

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

КАРИНА ДЕМИНА

ВНУЧКА БЕРЕНДЕЕВА
ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Волшебная академия (АСТ)

Карина Демина

**Внучка берендеева.
Третий лишний**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демина К.

Внучка берендеева. Третий лишний / К. Демина — «АСТ»,
2017 — (Волшебная академия (АСТ))

ISBN 978-5-17-104365-0

Книга третья и предпоследняя. Интриги завязываются. Узел скручивается. Сказка сказывается, а дело делается. И вступают в игру силы такие, с которыми Зославе не справиться. Да и кто она, чтобы самой царице перечить, пусть и пожелала та ни много, ни мало, но жениха Зославиного. У внучки-то берендеевой и без Арея хлопот полон рот. И бабка с блажью своею, и Люциана Береславовна, наставница нелюбимая, и царевичи, и Кирей, и жених мертвый, который близок, да поди-ка достань.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104365-0

© Демина К., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	29
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Карина Демина

Внучка берендеева. Третий лишний

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© К. Демина, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Про похороны

Хоронили боярыню Милославу против всяких обычаев – на седьмой день. И в Академии, хотя и поговаривали, что желают родичи тело ее забрать на погост, в склеп семейный, да не дозволено сие было царскою волей.

Отчего?

Не ведаю. Передо мною не докладвался. Да и кто я такая?

На похороны явилася.

Чего ради? Не любопытствия. Куда уж любопытствовать-то...

...плакальщиц наняли. И пусть морщился Михайло Егорович, глядя на женщин в черных убранных – на галок суматошных схожих, – но гнать не гнал.

А мужчина какой-то в кафтане цвета давленной вишни, громко и грозно выговаривал ректору. Дескать, не уберегли дорогую сродственницу и, значит, ныне повинны выплатить виру, потому как ни в какое сердце слабое оный мужчина не верит.

Убили Милославу.

Я слышала.

Да и не только я.

Уж больно громогласен был тот мужчина. И кулаками потрясал. И грозился царю жаловаться... а после вдруг сплюнул под ноги и сказал:

– Чтоб вы все провалились со своею Академией...

Не провалились, даже ежели правду сказал.

...а жена его, боярыня зрелых лет, но красы прежнее не растративши, никого не обвиняла, но и не плакала, и вовсе не похоже, чтоб горевала она. Но стояла горделиво, куталась в шаль из чернубурки да все головою крутила.

Выглядывала чегой-то.

Или кого-то?

– Это боярыня Красава, – сказал Кирей, меня за локоток придерживая. – С Милославой они не больно-то ладили... она из староверов...

– Что?

– Кажется, это так называется? Дед ее, помнится, все горевал, что, мол, старые заветы отходят... вон, гляди, стоит. Он Милославу на дух не выносил. Не потому, что плохая, но не дело это – девке из терема выходить. Кстати, у самой Красавы дар имеется, и немалый. Пожелай она, стала бы магичкой... – Кирей указал на сухого старика.

Тот, обряженный в простое платье, гляделся бы бедно, если б не посох, который старик сжимал так, что пальцы побелели. Посох этот резной, высокий – куда выше старика – был украшен красными и синими камнями. А мне вспомнилось, что сказывали про староверов... кто?

Не ведаю.

Но будто бы живут оне по заветам прежним, свято блюдут слова, писанные в грамотах, про которые бают, что дадены оне были самою Божиней. Но же ж разумному человеку ведомо – недосуг Божине над грамотами сидеть да законы писать.

Тем паче, что порою законы оные зело жестоки.

– ...его бы воля, он бы Милославу на костер отправил. – Кирей на старика глядел поверх моей головы, и чувалось мне, что взгляд этот – недобрый. – Или на кучу муравьиную, медом обмазавши...

Старик повернулся.

И алым полыхнули глаза его.

– Матушка сказывала... – Кирей замолк. – Не важно, Зослава. Главное, что нечего ждать от него добра...

Лицо старика искривилось.

Он вытянул руку.

– Порок... – голос его был громок, и люд, до того гомонивший, смолк. А у меня по спине мурашки побегли. – Порок вокруг...

– Где? – Еська руку поднял и под нее заглянул. – Мерещится вам, дедушка... ой, мерещится... нема тут порока.

И под левую заглянул.

– И тут нема... Ерема, у тебя есть?

Тот покачал головой.

– А у тебя, Емелька?

Емельян покраснел густо, неудобственно ему было, что на похоронах Еська скоморошествует.

– И у тебя, стало быть, нету... а ты, Лис?

Елисей головой мотнул и попятился, точно желая спрятаться за широкими плечами Егора.

– Видите, дедушка, нет ни у кого порока...

Старик, против ожиданий, не разозлился. Но поднял посох в правое руке, а левую вытянул, раскрыл ладонь.

– Вор куражится, – молвил он, глядя на Еську в упор. – Да на любую шею петля найдется.

И пальцы вытянул, будто в горло желая вцепиться. А Еська вдруг побледнел, за шею схватился. Но старик рукой тряхнул, отпуская, а сам к Елисею повернулся.

– Волку не место среди людей...

А дальше я не поняла, что он сделал.

Только Елисей упал вдруг на колени и зашелся кашлем. Он выгнулся.

Вцепился когтями в землю.

Задыхаясь. Захлебываясь...

– Папа! – взвизгнула Красава и, сжав плечо, что-то зашептала. И супруг ее в посох вцепился, но вырвать из сухих сморщенных пальцев не сумел.

А Еська повис на Еремином плече. Сам бы не справился, не удержал бы близнюка, но Емельян помог, да и Евстигней заступил дорогу.

– Нехорошо, дедушка, – сказал он, в глаза старику глядя. – Не в вашей ли книге писано: не судите, да не судимы будете. А вы и судить, и казнить беретесь.

– Ты...

Елисея отпустило.

Он сел, ощупал руками горло. Поднялся, за брата цепляясь. И сказал тихо:

– Поперхнулся... немного.

– Ага. – Лойко только руку на пояс положил, и мне подумалось, что благо, на поминки с саблею и иным оружием являться неможно, а то б была бойка. – Поперхнулся... чуть нутро не выплюнул.

– Крепко поперхнулся, – ответил Елисей, уголками губ усмехаясь. И красную слюну рукавом отер. – Идем, Еремка... а то что-то... кашлять охота. Не застудиться бы.

Ерема разом успокоился.

И брата за руку взял, точно был тот мал.

– И вправду, – проворчал. – Сквозит...

След сказать, что день был самый что ни на есть весенний. Таким бы свадьбы гулять, когда б гуляли их не по осени, но весною. Травка зелена, расшита белым бисером звездчатки,

и васильки-то в ней самоцветами, и одуванчики... небо синее. Облачка белые. Солнце разлеглось, разлилось светом.

Тепло.

Ветерок, на который Елисей пенял, и тот легонький, духмяный. Таким бы дышать – не надышаться.

Старик же посох опустил.

Поманил Евстигнея.

А тот и подошел, Егора с дороги подвинувши, которому явне сия идея не по нутру припшла. Он на деда глядел исподлобья.

– Выжил, стало быть, – от как выходило, что говорил старик навроде и не громко, а я от все слышала до самого последнего словечка.

– Выжил, – ответил Евстигней и голову склонил, старика разглядывая. – Я тебя знаю.

Это он сказал, не спрашивая.

– Откуда?

– А сам-то? – Дед посох повернул, и выскользнул тот змеею деревянной из пальцев боярских. А на Красаву и вовсе глянул с прищуром, она и отошла.

– Не помню.

– Стало быть, судьба у тебя такая... беспамятная. – Он усмехнулся.

А мне подумалось, что этакого сведущего да расспросить бы с пристрастием. Подумалось и страшно стало от таких мыслей. Неужто я всерьез живому человеку такой муки желаю?

– А что слово святое помнишь, то им и спасешься. Иди. – Старик руку поднял и пальцы сложил знаком Вышнего круга. – Иди, а я помолюсь за грешную душу твою...

– Мою душу мне оставь. – Евстя глядел на руку эту пристально, не мигаючи. – За нее помолись...

За кого?

Не сказал. Сам ли ведал? Нет... а старик, тот понял.

– Иные души, – молвил он веско, – и молитва не спасет... а ты, девка...

Холоден был его взгляд, что стужа зимняя.

Разом душу вспорол ножом ледяным, и больно сделалось, и дыхание перехватило.

– ...забыла, какого роду-племени... – ныне каждое слово гремело колоколом медным, и от этакого звону уши мои мало что не лопались. – Мертвяку обещалась? Душу свою бессмертную отдать...

...седая дорога.

...луна вычертила да по водам темным озера. Стылое оно. Мертвое. И в летнюю жару вода эта ледена-леденюща. Ни ветер ее не коснется, ни птица не потревожит крылом...

Пустоцветно озеро.

Бесплодно.

Курслепом берега поросли, будто золотом лживым, цветом багульниковым дурманным. Солнце пригреет, и душно становится, дурно. Вдохнешь раз – день головою маяться станешь. Вдохнешь два – и целую седмицу... вот и стерегутся соваться к черной воде что люди, что звери.

Кроме него, волею Божини над иными поставленного.

Тяжек путь пастыря.

Норовисто стадо человеческое. Сущеглупо. Падко на искусы. И потому все чаще приводят дорожки запретные к берегам.

...нынешняя шла по мосткам гордо. Позабыла, стало быть, что надлежит деве роду хорошего покорною быть, скромною. А ведь знал он ее, от малых лет, сам читал книгу священную. Сам сказывал и про мира сотворение, и про слезы Моранины черные, по миру рассыпавшиеся, и про грехи, и про спасение... всему учил.

Когда сошла?

Когда соступила с пути истинного?

Загуляла. И не покаялась, не позволила нагулянное дитя в лес отнести, как сие Книга велит, ибо каждому, кто Слова не чужд, ведомо, что в ублюдках, без благословения Божиинного рожденных, дух мертвый сидит.

...сам виноват.

...не сумел убедить. Поддался на мольбы... жалостью да спасены будете... и спас, мнилось, а вышло-то... вышло...

– Мне жаль тебя, старик, – молвила она. И ветерок подхватил темные тяжелые волосы, растянул полотном... – Ты слеп. И думаешь, тебе и вправду позволено именем ее творить подобное?

...и отец ее просил за младенчика... не сама виноватая... снасильничали... девка едва оклемалась... а дитя забери, глядишь, и вовсе умом повредится. Как тогда?

Разве ж не жаль тебе, пастырю, ее?

Жаль.

И вспомнить бы, что жалость порой во вред идет, но нет, не сумел... глядел на нее и кровью сердце обливалось. Кому сказать, сомневаться стал в священной книге, ибо писано было, что девку, которая себя не соблюла, надлежит камнями бить до самой ее смерти.

...а про то, что девка может не виновная быть, не сказано.

Дал слабину.

Слезам уступил. И мрачному отцову взгляду... испугался, что уйдет Дуб Шератович из общины, а с ним и весь род Булгуров. Давно уж грозился он, упертый. В былые-то времена не позволили бы, сами домашние б не позволили, а ныне слово жреца – что ветер, гудят сосны, да не гнутся... нет, мнилось, малою жертвой он большое спасает. Одною душой сохраненною, отмоленной, две дюжины, которые – и думать нечего – стойбище покинувши, и веру потеряют истинную... а вышло...

...как вышло.

Опалила холодом водица.

И отшатнулась я, возвертаясь в собственный розум. Когда б не Кирей, упала б. А старик вдруг рядом очутился и, впившись пальцами – не пальцы, клещи цельные, которые костью перемолоты на раз – в руки, дернул.

– Куда лезешь, девка дурная?

А у меня мову заняло.

Объяснила б иначе, что если и лезу, то не по своей воле. Дар у меня таков, с которым никак управиться не способная. Когда б могла, неужто стала б людей и себя мучить? Но язык прилип, а в горло будто слиплось.

– Прочь поди, – раздался сзади глухой Киреев голос.

– Не лезь, сын чужой земли...

– Прочь. Поди.

И пальцы разжались.

– Пришел ты сюда не своей волей... тут и останешься... похоронят с почестями. – Старик теперь улыбался, и видела я, что зубы его желты, а изо рта гнилым рыбным духом несет, и так, что с трудом сдержалась я, чтоб не отвернуться.

Невежливо сие.

– Что, девка, не по нраву? – Он засмеялся и пальцы разжал. – Ничего... твой суженый куда как крепче пахнет... как мертвяк... мертвяки небось ароматными не бывают...

И подмигнул мне: мол, все-то я ведаю, что про тебя, что про сговор твой тайный, про обещание, духу неупокоенному даденое, и про все-то прочее.

А сам развернулся и пошел.

Посохом по земле стучает.

Сгорбился.

Три шага сделал, а на четвертом и сгинул, будто бы его вовсе не было. И как оно такое возможно? Я к Кирею обернулася: он-то видел старика. И значит, не примерещился он мне. А раз не примерещился, то и отмерещиться не мог бы.

– Никто не знает, что им ведомо. – Кирей плечами пожал. – Но странно... зачем он сюда явился? Без особой нужды эти и нос за оградку не высунут, а...

Договорить не успел иль не пожелал договаривать, но совпало так, что боярыня Красава собственной персонлией пред нами возникла.

– Вы извините дедушку, – сказала она ласково, а сама на меня уставилась. Глазья-то у нее круглые, что у совы, и с желтизной звериной. В волосьях темных седина проступила, а на шее складочка наметилась, стало быть, не за горами тот час, когда сменяет Красава яркое бабье убранство на темное старушечье.

Иль не сменяет?

В столицах-то старухи горазды рядиться, почище молодежи иные.

– Возраст сказывается... порой не в своем уме вовсе. – Она меня за ручку взяла и этак за собою потянула, а Кирей и в спину подпихнул: мол, иди, Зослава, погуляй ноне с добрым человеком. – Мы уж и ласкою, и уговорами... нет, вбил себе в голову, что только ему одному ведомо, как жить праведно... а тут такое горе... такое горе...

Я оглянулася.

Все по-прежнему.

Люди.

Помост, на котором тело Милославы возложили. Укрыли белыми простынями, красною нитью шитыми. В ногах веретено положили. У головы – две чаши. С водою ключевой да караваем свежим. На голову венок воздели из цветов плетенный... и как солнце высоко поднимется, то и пустят огню.

Тут-то и костер не надобен: полыхнет от слова магического, от взгляду колдовского. До самых небес дым подымется... но не то дивно, а другое... вот был дед.

Говорил всякого.

На царевичей покушался, вреда ихнему здоровью чинил, а никто этого будто бы и не увидел. И ныне-то на нас с Красавой глядят, а и не видят.

– Это отворот, – сказала она и рученьку белую подняла. А с рученьки той бранзалеты свисают, одне золотые, а другие – костяные. – Дед мой староввер... вам, наверное, уже сказали... и, конечно, в нынешние просвещенные времена все это кажется глупостью невероятной... молитвы по пять раз на дню... по четвергам кислого молока не пить. В пятницу мяса не есть... в субботу из дому не выходить... мое детство прошло в селении, где эти заветы свято блюли...

Она шла, и люди расступались. Фрол Аксютрович взглядом скользнул и отвернулся. А Наставник вовсе на помост едино глядел... Марьяна Ивановна в сторонке стояла, выговаривала чтой-то девке дюже некрасивой, но в убранстве нарядном. Сродственница Милославина? Или так кто?

Поглядеть бы, но не получилось. Красава, увлекая меня прочь от толпы, сказала:

– Вы уж извините, Зослава, но похороны – это лишь предлог. Мы с Милославой никогда-то не ладили. Слишком уж она горда была. А с чего гордиться, если рождена она была вне брака? Вне благословения? Кровь царская? А мы, стало быть, быдло, которым она тяготилась... мой супруг – хороший человек...

...онный хороший человек ныне маялся у помоста.

Прел в тяжелой медвежьей шубе с алым подбоем. В шапке высокой, золотую цепью опоясанной. Стоял, не на посох опираясь, но на тросточку норманнскую, которая подле него гля-

делася махонькой, тонюсенькою, что веточка вишневая. И страшно стало за боярина – а ну как переломится тросточка, тут-то и полетит он кувырком.

Срам.

– ...безусловно, не лишенный слабостей. Он этим родством гордился. И обижался, что Милослава не желает его знать. А ведь именно он после смерти сестры девочку в дом принял. Не побоялся слухов...

Зачем она сие мне рассказывает?

Кто я такая?

Студиозус. Может, магичкою стану. А может, и не стану... но как бы оно ни было, не подруженька я боярыне Красаве, чтоб со мною таким делиться.

Она ж идет.

Неспешная. Поважная... шелестят шелка тяжелые, тень боярыне под ноги ложится, густая и темная, что из дегтя литая.

– ...растил... да, я не испытывала к ней особой любви. Все же тяжело, когда дитя не свое... а я еще надеялась родить. И мнилось, будто бы она берет то, что моим детям отдано должно быть. Мы, женщины, порой ревнивы беспричинно. А как выяснилось, что у Милославы дар проявился, то и ушла она в Акадэмию... ушла и про нас забыла, как и не было прошлых лет... да... а теперь вот...

Она вздохнула, и с того вздоху сделалось мне тяжело, совестно.

Точно это я, Зослава, в оной смерти повинная.

– Покажете мне Акадэмию? – Красава повернулась ко мне. И лицо-то у нее круглое, с носом горбатеньким, что клюв. Губы тонки. Щеки плоски. Брови светлы, и не красит их боярыня углем аль сурьюмою, оттого и кажется, что бровей этих будто бы вовсе нет. – Я понимаю, что это... не одобряется, но мне не хочется быть там... сердце не выдержало... сколько в этом правды?

Я отвернулась.

Чего сказать? Что не в сердце беда? Нет, я того достоверно не ведаю, а илгать – последнее дело. Этак и вовсе до сплетен всяких дойти можно.

– Не знаете? Или говорить не желаете? Или и то и другое? Что ж, Зослава... ваше дело... не говорите, но послушайте. Я пришла сюда, чтобы... предупредить? Пожалуй... или, скорее, кое о чем рассказать... и, быть может, вы поймете, куда и к кому пойти с этим рассказом. Дело в том, что... какое интересное растение.

Красава вдруг смолкла и остановилась перед кустом.

И я остановилась.

Растение? Обыкновенный барбарис, разве что с листочками красными, что осенью опаленными. Вона, выкинул кисти соцветий, и пусть не раскрылись пока желтоватые цветы его, но то дело спорое. Еще седмица-другая, и распустятся, помянут пчел.

– Мне бы к преподавателям, но... как знать, кто из них веры стоит? А вы, слышала... не важно, главное, я скажу, вы уж сами решайте, стоит ли оно веры... а это кто? – Красава пальчиком ткнула в низенькое деревце, которое гляделось, что сосна, да и сосною было, как нам расповедывали, только крохотною, мне до колена. – Надо же... удивительно... а у нас сосны стоят вековые... я, когда маленькая была, думала, что по этой сосне до самых небес добраться можно. Или даже до ирия... и белку одну прикормила. Думала, передам с нею родителям запичку малую, чтоб знали они, что все-то у меня хорошо... я рано осиротела...

Она присела и ласково погладила сосенку.

– Вам это знакомо, конечно... ваши родители на поле легли, а мои... мои просто исчезли однажды. Так мне сказали. Это уже позже я поняла, что... от старости отец. Ему почти восемьдесят было. А матушка следом пошла. Она слово Божиного крепко блюла... старая вера жену следом за мужем отправляет.

Боярыня глядела снизу вверх, и в глазах ее мне виделась тоска, еще та, давняя, с которая мне самое хорошо знакома.

– Когда я узнала мне было четырнадцать. Мне бы не сказали, случайно вышло... мой дядька с дедом спорил. И в сердцах сказал, что тот маму убил, верой этой убил, что ей бы жить и жить... шестнадцать всего было, когда на погребальный костер взойшла... у нас рано принято женщин замуж отдавать.

Она коснулась желтого одуванчика, травы простой и норовистой, помнится, ежесть расползется она по огороду, то никакою силою ее не выведешь, хоть ты денно и ночью поли-выпалывай.

Нет, одуванчиков я не любила.

Правда, из корней их снадобье хорошее супротив кашлю выходит. А из цветов иные умелицы и варенье варят, но то – не для меня. Да и сказать, одуванчик же ж горький, так какое варенье-то?

– Из-за этого они и разругались с дедом. Тот вздумал меня замуж выдать. Третьей женой... за старика... а дядька воспротивился... кричали. Разбудили. Тут-то... наверное, именно тогда я и начала сомневаться. Не сама... сначала дядька... он сказал, что эта вера слишком жестока... что Божиня не может обречь своих детей на слезы, на муку... и я запомнила. Утром мы уехали. Дядя с семьей... и я... он сумел устроиться. Теперь я понимаю, что это сродни чуду. Кому мы нужны были здесь? А он сумел. И мне нашлось место в его доме, за что я ему буду век благодарна. Он не делал разницы между мной и своей дочерью... и так получилось...

Боярыня поднялась с колен и отряхнула прилипшие к подолу травинки.

– Это все сложно. Дела у него пошли хорошо. Наверное, у него было, что предложить, иначе... нам пожаловали дом в столице. Поместье. Земли... да и вовсе... а после моя сестра... я всегда считала ее сестрой... стала царицей.

Она выдохнула, будто бы сказать сие было тяжело, и обернулась.

– Она... она не была чудовищем... а когда стала... я не знаю всего, слава Божине. И знать не желаю. И вовсе, быть может, все, что о ней говорят, – это слухи... сложно... не знаю, с чего рассказывать... однажды она просто исчезла. Ненадолго. Дядька мой сказал, будто бы отправил Межену в поместье, что столичный воздух ей вреден. Но я видела, он лжет... это дар – ложь распознавать. Останься я в деревне, его бы лишили. Женщине ни к чему дар. Ей путь предопределен. Служить. Отцу. Мужу. Детям. Рожать... и молиться, чтобы молитвой очистить душу, которая к искусам слаба. – Красава вытащила из рукава платок расшитый. – Но дядька не стал заирать мой дар. Он его использовал в делах. Бывало, приведет человека, сядет с ним говорить, а я за ширмой. Затаюсь. Слушаю. А потом распеваю дяде, когда гость правду говорил, а когда – лукавил. Многие я тогда слышала. Сперва-то по малолетству не больно понимала, а после... лучше б и не понимала... но дядюшка у меня тоже с даром. И знает, как клятву брать, которую не порушишь... молчала. И молчать буду... почти обо всем буду.

Она шла по дороженьке неспешно, будто бы гуляючи.

А я за нею, значится.

Не след в след, но вроде того. Иду и мыслю, что не так все просто... не первую студентку, на которую глаз упал, боярыня для беседы пригласила. Нет, знает она и про родителей моих. Имя вон тоже сама назвала. И чего еще известно ей?

Царицыной сестре?

– Нет, дядюшка меня не обижал... как срок пришел, отпустил. Мужа вот отыскал... он пусть и не из первых, да зато силен и меня любит. Ты, когда в чужую память заглянуть желаешь, просто представь себя на месте собеседника. – Красава сама меня за руки взяла. – Вот так. Прикосновение не то чтобы нужно, но по первости тебе легче будет. И в глаза смотри... хорошо смотри, Зослава. Не подведи.

А я... в глаза глядела.

Отчего не поглядеть, когда сами просят.

Только не выходило, чтобы как в омут... глаза у боярыни круглые. А желтизны в них самая малость – по ободочку. Зато зрачки темные, крупные, что вишня спелая. Ресницы же седые. Диво какое... не видала я такого, чтоб у живого человека ресницы седые были. А тут она...

Под глазами круги темные, каковые от бессонницы и слабости телесной приключаются.

На лбу – пот бисером мелким.

– Не пытайся силой, – мягок голос боярыни. – Этак только хуже будет. Чужой разум противится проникновению. Нет, надобно легко... скользить по нему, что по льду... просто смотри... просто думай... не о том, что видишь, а о том, что чувствуешь.

Глава 2

Чужие думы

Ее пальцы, холодные, мягкие, пахли деревом.

Откуда я знала это?

Знала и все...

...скользить.

...не по льду, но по свежей доске. Идет рубанок, снимает тонюсенькую стружку бурштыновую. И, свиваясь, падает она наземь. Пол уже усыпан и густо этою стружкой.

Хороший запах.

Красаве он нравится. А еще ей нравится глядеть, как Вязьма работает. Рубаху скинул, руками тяжелое тело рубанка приобнял будто бы. Наклонился... блестит от пота кожа его, и волосы промокли, они у него светлые, на макушке вовсе добела выгорели. И Вязьма подхватывает волосы тонюсеньким шнурочком.

Красава ему другой свила, из ниток.

И заговорила на здоровье, пусть и здоров Вязьма, как бык, а все одно... работает же ж... много... доски тяжелые тягает и вовсе на подворье убивается, спешит, будто собственный дом ставит, а не боярскую конюшню.

Он ответственный.

И красивый.

Но в том Красава и себе-то признается не сразу, а уж ему-то вовсе не скажет. Где это видано, чтоб дочь боярская да на холопа заглядывалась? Жаль, уехала Межена, она-то поняла бы, а то и поделиться не с кем. Девки дворовые, в услужение поставленные, сами по Вязьме вздыхают и норовят удрать на задний двор, ищут себе дело там... не в деле дело, но вырядятся, вытащат платья поновей, покраше. Косы хитро заплетут. Вязьма только посмеивается.

А Красаве обидно.

И от обиды этое она губы кусает. И вздев веночек серебряный, с колокольцами да жемчугами, на задний двор спешит. Курей считать. А что, жена у дядьки слабая, хворая, ей не до хозяйства, оно – всякому ведомо – пригляда требует неусыпного. Вот Красава и приглядывает. За курами, за гусями, за девками, которые на птичьем дворе крутятся, мало, что сами не квохчут.

И самую малость за Вязьмой.

Отчего б и нет? За него дядька двадцать пять золотых отдал... это много.

– Вот ты где. – Дядька появился, когда Красава почти решилась подойти. Нет, не стала бы она шнурок дарить, а просто обронила б под ноги. Глядишь, и понял бы... а нет, то и леший с ним, с непонятливым. – Что делаешь?

– Гляжу... ладно выйдет, дядюшка. – Она поцеловала дядьку в щеку. – Еще б стекольца цветные поставить. Я видела такие намедни...

...в тереме царском, в который их с Меженой возили. Дядька баил, что сие – честь великая. И наряды справил. Хороший он. Другой бы небось не стал с чужим дитем маяться, а он что Межене, что Красаве – поровну. Одной платье, значится, и другой будет. Вот и поднес. Межене – из алого шелку, текучего, яркого, что пламень, да шитого золотом.

А Красаве – синий да с серебром.

Не оттого, что серебро дешевше, но синий ей к лицу. Бледна она, что лицом, что волосом. Девки-то говорили, будто бы волос в шелухе луковой полоскать надобно, тогда и рыжиною заиграет. А брови подмалевать самую малость, но Красаве боязно было.

Грех сие.

Добре, что дядечка уже и не молится каждый день, как сие должно. И Красаву не нуждается. Сама она гораздая и за него, и за жену евонную, и за Межену... за прочих всех.

Божиня милосердна.

Увидит, что не со зла дядечка. Работы у него многое, цельными днями в разъездах, в заботах. Может, и желал бы колени преломить, да некогда. А у Красавы времени свободного изрядно, и не лень ей помолиться за всех...

...в царских палатах ее окна поразили. Огромные, почитай в рост человеческий. И стеклами закрытые, а не слюдою. Стекла хоть цветные, а прозрачные. Красава сама сквозь них глядела и видела все-все, правда, в алый колер окрашенное, но то – пустяк.

Вот бы и в дядькином доме поставить такие...

...больше в палатах ей ничего-то не глянулось. Хороши, да... душно в них. И не оттого, что натоплено и людно. Нет, будто бы давят стены, расписанные дивно. И потолок узорчатый, все мнилось, упадет да на самую маковку... и чадно.

И тесно.

Бояре в шубах, что медведи ряженные, толкуются, один поперед другого лезут. Боярыни друг дружке улыбаются, раскланиваются, да только правды в том – ни на грошик... девки одна на другую ревниво поглядывают, и вспомнилось, что слышала Красава: будто бы царицу новую ищут.

Скоро и смотрю устроят.

Свезут девок со всего царствия Росского, может, тогда и их с сестрицею позовут? Нет, в царицы Красаве не хотелось. Да и кто выберет ее? Небось знала за собой, что красота у ней – только в имени...

...скользить.

...далее по памяти ледку, который слаб – куда там осеннему – чуть отвлечешься и провалится, ухнешь тогда иль в один свет, иль в другой.

Осторожней, Зослава.

Глянула я на терем царский чужими глазами и отступила.

Не про него речь.

Не про бурштыновую сосновую стружку, которую бы поднять да в рукаве спрятать, а там, тайком, нюхать и вспоминать день нынешний, пресветлый.

...про дядьку хмурого. Вновь заботы одолели. Их у него больше, чем мышей в старом амбаре. И Красаве совестно, что ничем-то она помочь не способная.

– Послушай, дорогая, – молвил дядечка и руку на плечо Красавино положил. – Ты уж выросла, заневестилась... пора тебе своим домом зажечь.

Красава этого разговору ждала.

Чай, восемнадцатый годок шел. И уж беспокойственно стало: а ну как ее нехорошество станет причиною того, что и в столице не сыщется мужа? Вдруг да вековать ей в дядькином тереме всю жизнь оставшуюся? И ладно бы супруг, без супруга Красава как-то да пожила б, за хозяйством вот глядела бы, о дядечке заботилась, но деток хотелось со страшною силой.

А как их без супруга-то?

И забилося сердце, не понять, от радости ли, от тревоги. Застучало. Загремело.

– Многие у меня твоей руки просили. – Дядечка же бороду огладил. – Только... не хотелось мне с тобою расставаться, Красава. Уж больно ты на сестрицу мою похожа...

И по голове погладил.

– Ясноокая ты моя... что ж за судьба у меня такая, а?

У кого спрашивал – сие непонятно, только Красава дядечку обняла.

– Мне и с тобой хорошо.

– Хорошо – это ладно, но... надобно бы тебе из столицы уехать. Ты у меня добрая сердечком, не то что сестрица твоя...

Сказал и посмурнел.

И не солгал ведь. Неправду Красава чуяла. Была та словно деготь в меду иль мясо тухлое, которое порой за свежее выдать пытались, маслом протирая, чесноком пересыпая.

– Дядечка...

– Проклятое дитя. – Он отстранился и поцеловал Красаву в лоб. – Такова цена... и я готов ее заплатить. Но ты уедешь. Я нашел тебе мужа. Он хороший человек и будет о тебе заботиться. Любит. И ты его полюбишь, даст Божиня. Езжайте. И не возвращайся в столицу, слышишь? Даже когда меня похоронят, все одно не возвращайся...

– Дядечка!

Да что он говорит такое! Он еще не старый! Только-только четыре десятка сменял, а люди куда поболее живут. Это тетка здоровьем слаба. Бледна. Нежна. Из горницы своей не выходит почитай.

– Не возвращайся. – Он провел шершавой ладонью по Красавиному лицу. – Хотел я, как лучше, а получилось... кто знал, что книгу она взять сумеет?

И вновь не поняла Красава, про кого он.

– И послушай. Если вдруг явится к тебе сестрица с просьбой... не важно, даже если стакан соли попросит или хлеба краюху, сама не давай. Не надо. И дам я тебе один амулет... его еще дед твой делал. Он, конечно, не самый добрый человек, но нас по-своему любил. Сбережет. Глядишь, и сбережет...

Этот голос звучал у меня в ушах.

И чуяла я, Зослава, чужой след на коже своей. Стояла. А где – не пойму сама. То ли на дорожке, желтым камнем мощенной, то ли на подворье чужом.

– Видишь, все получается, – молвила Красава, усмехаясь. – Только ты не доглядела, девочка... а времени у нас не так и много.

В руках боярыня крутила махонький цветочек.

– Я бы молчала, если б она... но Милослава... как ни крути, а все семья... и боюсь, что мой супруг следующим будет. А там и я... и дед... он ведь не зря пришел. Ты смотри, внучка берендеева. Хорошо смотри. Иное словами сказать невозможно, а вот если увидит кто... от взглядов чужих клятвы не спасают...

Пальцы мягкие разжались.

Упал цветочек.

...на землю жирную, черную. И поднялась стая грачей, заголосили они, заматались в поднебесье. Темно стало. Холодно.

И Красава лишь поплотней закуталась в плащ меховой.

Рано весна пришла.

Надолго ли?

Не случится ли ей, осознавши, что не вовремя явилась, вспять повернуть? И тогда вернутся ветра студёные, а с ними – морозы, которые лягут на землю эту черную, раздетую? Плохо будет... земля такого обхождения не потерпит.

Нанятый супругом магик расхаживал по полю. Мерил длинными ногами межу и похож был не на грача, на аиста долговязого. Что-то делал, и Красава чуяла чужую силу, но понять суть происходящего не могла. Она и не силилась, просто глядела.

Старалась не плакать.

...третьего дня явился в поместье гонец, да не добрые вести принес.

Полыхнуло поместье боярина Воркуты.

Полыхнуло ночью, когда спали все, пусть и заговорено было от пожаров, а все ж... видать, заговор ослаб. Аль сняли его тайно недруги, коих у боярина множество появилось, когда дочь его поперед других царицей стала.

Где это видано?

Девка, если вовсе не безродная, то... разве про Воркуту писано в книгах особых, которые боярский родовой хранят?

...явился из ниоткуда... терем поставил... обжился... дела вел... а какие – то никому не ведомо. Как знать, может, и по заслугам оно воздалось. Небось Божиня невинных бережет, а коль не сберегла Воркуту, то и не невинен он.

Это не Красаве сказано было, ей-то гонец письмецо передал с поклоном, с уважением, хоть и уважения сего было на каплю. Смотрел он иначе, с любопытством жадным, а уж в людской-то разговорился. И про пожар – отчего случился он, не ведомо. Может, какая девка дурная свечу уронила, а может, и подпалили терем. Главное, полыхнуло на рассвете, когда сон крепок, и так занялось, что со всего терема только кошка рябая и спаслася, не иначе, нежели чудом...

...горько было.

...а письмо Красава трижды прочла, пусть и не было в оном ничего, окромя соболезнований и приглашения в столицу. Мол, в храме постоять, почтить дядькину память. И сердце рвалось ехать, а разум... вспомнилось вдруг предостережение. Неужто знал дядечка?

И оттого поспешил племянницу замуж выдать?

Нет, муж Красаве хороший достался.

Спокойный.

Разумный.

И ее балует... и неспраздна она, а значит, благословила Божиня брак этот... и чего еще желать? Разве чтоб племянница его, Милослава, норов изменила. Горда больно.

Капризна.

И на Красаву глядит так, будто бы она, Красава, нищенка, из милости в дом взятая. Сперва-то и не скрывала презрения, пыталась себя хозяйкою показать, но супруг скоренько укорот дал. Вот и затаила обиду Милослава... а с чего?

Ей бы благодарною быть, что нашлось в тереме место для нее, сироты... ан нет, ходит царицею, дворнею повелевает, а на дядьку глядит свысока. Красаву и вовсе будто бы не видит. Мол, недостойная она... ох, не о ней, глупой, думать бы...

– Поедешь? – муж Красаву обнял и поцеловал в щеку. Царапнула нежную кожу борода, и Красава поморщилась: пахло от оной табаком. А ныне ей все запахи тяжелы были, табачный же и вовсе отвратен.

– Нет. – Она прижалась к мужу, пытаясь защититься не то от ветра, не то от собственного страху безымянного. – Далеко, да и... его уже схоронили. А помолиться я и тут помолюсь. Божиня услышит.

Она-то знает, что был дядечка хорошим человеком, если и грешил, то не с зла... со всеми случается...

– Как знаешь. – Муж вздохнул с облегчением. Не хотелось ему отпускать супругу...

...в тот день они вернулись поздно. И ночь Красава не спала. А с утра самого заявила Милослава:

– Я в столицу отправлюсь.

– Зачем? – Супруг Красавы посмугнел, налился грозным гневом, чего досель с ним не приключалось.

– В Академию пойду. Мне Мишенька давно писал... приглашал...

– Мишенька?

– Братец мой, – Милослава улыбнулась со смыслом. Мол, тебе ли, дядюшка, не знать, что не ты один роднею, – еще когда говорил, что дар у меня имеется немалый... и я могла бы магичкой стать.

– Тебе нельзя в столицу.

– Почему это? – Она подхватила с блюда орешек и, повертев, на землю кинула.

– Договор...

– С кем и когда он был? – Милослава плечиком дернула. – Небось когда договаривались, меня не спросили, хочу ли я всю жизнь в глуши провести. А я не желаю! Что мне здесь делать?

– Замуж...

– За кого, дядя? За соседа?

– А хоть бы... вон, Вояр на тебя давно заглядывается...

– Пусть хоть все глаза выглядит, – промолвила Милослава. – Он мне не ровня...

– Хватит! – Верень ляснул кулаком по столу. – Я сказал...

– Ты жене своей говори, она послушает, клуша. А я, дядечка, чтоб ты знал, своим умом жить приучена... мне таланты развивать надо... дар!

– Своим...

– Тише. – Красава взяла мужа за руку. – Пускай...

Не то чтобы она хотела помочь Милославе, просто вдруг осознала: не уживется. Не даст супруг Милославе воли, не позволит ей в столицу отбыть, так ведь кого Милослава изводить станет?

На ком обиду выместит?

А дом, в котором свара на сваре, долго не простоит.

– Пускай едет. Здесь и вправду... молодой девушке в столице жениха отыскать проще... –

Она говорила тихо, и муж остывал.

Успокаивался.

– Дура ты, – сказал он Милославе, и та вспыхнула.

– Это жена твоя...

– Еще одно слово – и отправишься. Не в столицу. В монастырь. И будешь там свои таланты развивать, – тихо он произнес, но Красава поняла: и вправду отправит он племянницу в монастырь.

Та тоже, верно, осознала.

И разрыдалась.

Слез же женских он на дух не выносил.

– Вот чего с нею делать... невозможно ей в столицу... – сказал он ночью.

– Почему?

По ночам на Красаву нападала бессонница. И лежала она в перинах, что овец считала, что звезды, что думала о всяком, да без толку – не шел сон.

И голова становилась на удивление ясной.

– Прости. – Муж поцеловал ее в щеку. – Но тебе о том лучше не знать... и что мне делать?

– Если... если и вправду у нее родичи имеются, то напиши. Будут готовы принять? Пусть едет.

Она точно помнит, что этой ночью видела деда. Что будто бы стоял он на распутье, опираясь на посох свой, и глядел в упор на нее. И губы дедовы шевелились, да только Красава, как ни силилась, ни словечка разобрать не могла.

...Милослава отъехала летом. И, говоря по правде, пусть и заповедано Божиней с роднею ладить, но дни до отъезда Красава считала, опасаясь, как бы не передумал муж. Он же, невзирая на письмо, со столицы пришедшее – родич Милославин от слов своих не отступился, ждал ее у себя, – ходил смурен, вздыхал и все про договор вспоминал. Но что за он – говорить не желал.

Милослава же чуяла неуверенность эту.

И в слезы ударялась.

В жалобы.

Дескать, вздумал дядечка сгноить ее в глухоманях. И только когда села в возок – а пришлось для этакой дороги новый покупать, ибо не дело это – боярыне знатной на старом возку в столицы ехать, – успокоилась. И даже нашла в себе силы улыбнуться Красаве.

– Счастья вам, – пожелала Милослава скупно. И оглянулась, проверяя, стоит ли подвода, ладно ли гружена, все ли сундуки на нее поставлены.

– И тебе удачи, – ответила Красава от чистого сердца, – пусть дорога твоя легка будет...

Она стояла и глядела на возок, запряженный парой коней, может, не больно-то красивых, зато сильных – этакие и по дороге полетят птицами, и по бездорожью вытянут, – и думала, что теперь-то жизнь ее нехитрая наладится.

Заживут они.

Миром.

Ладом.

Дитя появится и...

...и счастье порой становилось безмерным, за ним Красава забывала обо всем.

Напомнили.

Сестрица дорогая, забытая уже, явилась в первый день осени. И намеренно собаки были, будто упреждая, а старую яблоню, про которую супруг сказывал, что росла она во дворе едва ль не от начала времен, ветер повалил. Ветер был не силен, а вот поди ж ты, не вынесла, обрушился под собственной тяжестью. Добре, что никого не загубила.

Яблоню и убрали. Пилили.

Корчевали пень, как назло, разлапистый и цепкий. А Красава смотрела, чтоб, корчуя, чего лишнего не порушили. Да и то, хорошая погода была. Тепло, а не жарко, ветерок обдувает, и комарье притихло... милое дело. Она не сразу заметила, что пылит дорога.

– Едет, едет, – закричал дворовой мальчонка, который крутился подле. Мало ли, вдруг да боярыне яблочка поднести надобно или водицы, или чего восхочется.

Местные холопы Красаву любили за норов тихий и незлобливость.

Вот и мальчонка старался.

Знала, чаял – вдруг да приглянется, тогда, может, и в дом взят будет. А родит Красава мальчика, так тому приятель надобен будет... и как себя не показать.

– Возок едет! – крикнул он на самое ухо.

Красава к дороге и повернулась. Ничего, помимо пыли, что столбом стояла, и не увидела. А мальчонка, просьбы не дожидаясь, на тын взлетел, уселся, кота дворового потеснивши.

– Возок едет! – крикнул он, и холопы остановились. Смолкли топоры, поунялись пилы. Куры и те перестали копать в мусорной куче. Видать, им тоже интересно было. – Не нашенский... коней ажно четверо... и заводные еще... охрана... двое... верхами идут... неа, точнее не нашенский...

И Красава поверила.

Своих мальчонка знал. Да и не было принято в гости являться вовсе без упреждения.

Она поднялась, с печалью подумав, что день ныне пропадет. Нет, гостям Красава была рада, но ныне, в тягости, сделалась медлительна. Уставала быстро. И ей бы в светлицу вернуться.

Прилечь на часок.

А надобно будет гостей встречать, привечать, сидеть с ними до позднего вечера, ибо не пристало хозяйке долгом хозяйским пренебрегать.

– А хорошо идут... – Мальчонка проводил Красаву взглядом и отвернулся. Чужой возок был ему интересней. Этакого в нынешних местах не видывали.

Сам, что желудь, меж колес подвешенный. И колеса задние огромные, а передние – махонькие. На крыше будто бы креслице резное поставлено, и на нем уж извозчик сидит. Как только взоперся?

Глядела Красава на диво этакое.

На колеса золоченые. На ободы их, медными крыльями прикрытые. На сам возок, пухлый, что тыква, и на оконца его стеклянные, алыми занавесями прикрытые.

Глядела и пыталась уразуметь, как он на подворье-то их тихом очутился.

И ведь издалека ехал. Потускнела позолота, и медь покрылась толстым слоем дорожной пыли. Кони храпят, пену роняют. Возница и тот глаза прикрыл, того и гляди сверзнется. А охранники спешат, да бледны, тяжелы, и видно, что устали – вусмерть.

Один дверцу отворил.

Второй руку подал.

Мальчонка-то сунулся было со скамеечкой, как учен был, но погнали. Надавили чегой-то, повернули, и вывалилась из возка лесенка махонькая.

А на нее ступила ножка в башмачке лазоревом.

– Здравствуй, Красава, что не встречаешь? Не рада видеть меня? – Сестрица встала перед Красавой и руки протянула, обнять желая. – А ты нисколько не переменилась...

– И ты...

Лгали обе.

Стоит Межена, лицом бела, косой черна, да только вьется в этой косе ниточка седая. И глядеть на нее страшно отчего-то... ведь годков Межене столько же, сколько и самой Красаве.

Нет, не постарела она... примерещилось.

Солнце осеннее шутку сшутило.

Вот и... белолица, синеглаза. Хороша – глаз не отвести. И даже полнота ее не портит. Это Красава, дитя ожидаючи, сделалась велика в теле, рыхла да опухша, а у Межены лишь живот выпятился, и только-то. Да и того живота почти и не видать под просторным летником.

– Что ж не обнимешь? Аль не рада? – Сестрица усмехнулась и сама обняла Красаву. – Не приехала ты... а я уж ждала, что почтишь батюшку...

– Я... хотела. – Красава отвела взгляд.

Неуютно ей было.

А с чего?

Прежде-то они с Меженой ладили. Давно ли друг дружке косы плели? Лентами делились, серьгами да бусами? Да и что ленты... зимой-то, когда холодно, пусть и топили у дядьки от души, Межена, случалось, забиралась под одеяло к Красаве, обнимала ее за шею и жаловалась:

– Страшно мне.

– С чего?

– Воют, слышишь? Волки это...

– Ветер просто. Буря разыгралась.

– Волкию – От Межены всегда пахло хлебом свежим и еще пряниками, до которых она даже охоча была.

– Откудова в городе волкам взяться? Не блажи... а если и волки, то у дядьки забор высокий. Кобели во дворе злющие. Холопы... не пустят в дом.

И Красава шептала, рассказывала всякие глупости... а Межена слушала и засыпала, а потом и сама Красава, вдвоем на перине было жарко и тесно, но хорошо – страсть.

Так чего она?

И обняла названую сестрицу.

Поцеловала в щеку бледную. За руку взяла.

– Не так уж богат мой дом, – сказала, – но что есть в нем, все твое...

И в терем повела.

...а той же ночью Межена вновь пришла. Босая, волосы распустила, в рубахе белой, широкой, в которой живот ее виден был явно.

– Пустишь?

– Забирайся. – Красава подвинулась, радуясь, что супруг ныне в отъезде, а то б неудобственно вышло. – Тебе принести чего?

У дверей холопка спала, странно, что не проснулася, когда Межена вошла в покои хозяйские.

– Не ругай. – Межена ступала по половице осторожно, будто не пол под ней дубовый, но ледок первый, коварный. – Она до утра не проснется... тошно мне, Красавушка.

В постель залезла, за руку уцепилась, сдавила так, что больно стало.

– Если бы ты знала, до чего тошно... каждый день, как последний... батюшка... сам не думал, что так получится. Власти хотел. Силы... а не со всякой силой управиться можно.

Она уткнулась в пухлое Красавино плечо. И та погладила сестрицу, покачала головой. Надо же, довели... Межена-то завсегда спокойною была, а чтоб плакала, так такого вовсе не случалось. Ныне же она дрожала меленько, и слезы летели по белым щекам.

– Добрая ты, Красава... только глупая...

– С чего?

– С того, что столько жить, все видеть, все слышать, а ничего не понять. – Пахло от Межены ныне не хлебом и не пряниками – стужею взаправдошнею зимней. – Я даже завидую... у тебя все просто... по заветам... все еще молишься по пять раз на дню?

– Как получается, – уклончиво ответила Красава.

За нынешним-то хозяйством молиться некогда, да и тяжело ей на коленях стоять. Спину ломит. Голова кружится. Ноги к ночи опускают так, что чулки рвутся.

Но дед бы не одобрил.

Сказал бы, что кто ищет, тот способа находит. А Красава просто ленится.

– Молишься... и за меня, надеюсь? Ох, Савушка, я такого натворила... и не я, если подумать... и я тоже... заблудилась совсем... помнишь, нас отец в терем царский возил? Туда все своих дочек возили... царица-то померла... Божиня упокой душу ее смиренную. И царь холост. Многим охота была породниться. А если и не родниться, то... царь до женщин зело охоч.

– Что ты такое...

– Что знаю, то и говорю... согреет дочка постель царскую, а он за это из казны пожалует... казна-то велика... бездонна, почитай. – Она отстранилась и слезы ладонями отерла. – Им всем думается, сколько ни черпай, а не оскудеет... а что казны этой... уже давно должны и тому, и этому... а он не думал... как жена померла, пошел... мол, сам на этом свете не задержится, а что после него будет, так какая разница? Хоть пожар, хоть потоп. Отец... привыкла я его отцом звать, хотя... тоже сволочь... спас он меня... как же... жена просила. Ее он любит. Мог бы ведь взять вторую. И третью. Дед бы позволил. Дед ему сам предлагал, мол, если одна пустоцветна, то другая детей принесет. А он ни в какую... завидую.

Голос Межены был тих и глух.

Страшен.

А Красава слушала, гладила сестрицыны волосы мягкие.

Стужа?

И еще болото. Погост старый, на который их, малолетних, не пускали. Нечего там делать. А они все одно бегали, потому как любопытственно было на древние могилки глянуть, из которых вечером будто бы поднималась княжна проклятая да бродила, искала, кому бы о кладе рассказать...

– И когда она попросила за сестрицу... не отказал. Ее пожалел? Или про твою матушку вспомнил? Не знаю. Главное, что не утопили меня с матерью... как щенка... и в лес не вынесли. Хотя порой... лучше бы сдохла.

– О чем ты...

– О правде... может, он нас и любил, только деньги любил больше, иначе бы... помнишь погост? Помнишь... а она существует.

Красава только охнула. Да, ходили они на погост, но так и не посмели ступить на белую, будто коркою соли покрытую, землю. Простояли, поглядели, как клонится солнце к земле, как озаряет кривые березы алым светом.

И ушли.

– Я тогда вернулась. – Меженины глаза высохли. – Дождалась, когда ты заснешь... я... я уже умела делать так, чтобы люди засыпали... дед приходил. Ты, наверное, не помнишь... он... он понял... только он и понял, в чем дело... я... назвал меня проклятым ребенком... и потребовал, чтобы отец привел к камням. Я тогда еще считала его отцом... он отказывался, но затем... я поняла, что согласится. Не захочет ссориться с дедом. И отдаст меня. А у камней... камни бы показали, что сила проснулась. Дальше знаешь, что было бы? Меня бы запечатали. По закону. По обычаю. А я... я не хотела. Я знала откуда-то, что это – мука смертная, если не сама смерть. И решила... решила бежать. Только как? И куда? Тогда и подумалось, что с кладом бежать проще будет... с золотом... из леса выйду и заплачу, чтобы дом мне поставили. Заживу сама себе хозяйкой.

Больно было слушать этакое.

И удивительно. Неужели и вправду она, Красава, столь слепа, что ничегошеньки не видела?

– Я и наслала сон. А сама вернулась. Страшно было... сердце просто-таки выпрыгивало из груди... и почти уже повернула, когда... она существует, проклятая княжна. Вышла ко мне... мне она показалась красивой... я смотрела на нее. Она на меня... просто смотрела. Ничего не сказала. Только коснулась лба. Я помню это прикосновение. Столько лет прошло, а все равно помню... и я сомлела. Не от страха, но просто... не знаю... очнулась на рассвете. Лежу. А в руках книга... тонкая такая книга... серая... страшная... и я откуда-то знала, что эта книга – для меня. Что она и есть тот самый клад, который княжна стерегла. И что если мне ее отдали, то сочли достойной... и что не стоит бояться старика. Теперь я ему не по зубам. И все-таки у меня есть выбор... я могу оставить книгу, вернуть ее. Вернуться домой. Пойти к камням. Принять судьбу, как она есть...

Межена замолчала и вытерла рукавом сухие глаза.

– Скажи, Савушка, в чем я виновата была? В том, что рождена была вне брака? От насильника? В том, что мать мою утопили? В том, что... меня минула эта участь? Почему он был уверен, что я проклята? Кем? И за что? И отчего все ждали, будто я смирюсь? Я взяла эту книгу! Я... я просто хотела вырваться! И стать свободной. От старика... он смотрел на меня, точно на чудовище... и остальные тоже постепенно уверялись, что я и есть чудовище... только ты ничего не замечала. А я тебе завидовала.

– В чем?

– В твоей слепоте ты была счастлива... и не важно, Савушка. Я взяла книгу. И вернулась в дом. Спрятала ее в постели. Не знала, где еще, но... дед пришел, как и обещался. Посмотрел на меня так, что... я поняла, если не уйду, если не найду способ убежать, он от меня избавится. Отыщет повод... придумает, солжет... не важно, главное, что сведет меня к Черному озеру. Сам камень на шею повесит. И будет счастлив.

В лунном свете – а ведь Красава помнила, что закрывала окно, – кожа Межены была бела, белей снега, и прозрачна, точно это она, Межена, приняв клад, и судьбу проклятой княжны на себя взяла.

– В тот раз... камни промолчали. И старик был недоволен. Но кто он, чтобы нарушать обычай? Он отвел меня к отцу... и сказал, что будет приглядывать, что обряд все одно стоит провести. На всякий случай. Если дара нет, то обряд не повредит. А если есть, то... так для всех будет лучше. Для всех, кроме меня. Но кому есть дело до моей боли?

– Мне...

– Ты и не заметила, что мне было плохо! – Межена ущипнула за бок. – Ты слишком занята была собой...

Верно, в том был смысл.

Собой.

А чем? Красава уж и не помнила. Но, верно, были заботы, которые казались важными.

– Я долго думала, что делать. И поняла, что одна я ничего не сделаю... тогда и пошла к дядьке твоему... рассказала, как есть. Про дар. Про княжну. Про книгу... и книгу показала. Не хотелось, но без нее мне не поверили бы. Он слушал. Так внимательно слушал... а я... я кое-что прочла... и попробовала даже... я ведь не могла просто... если бы он вдруг решил, что не стоит рисковать? Испугался бы? Или пожелал бы отдать старику? Ради веры?

Она села в постели.

– Я так боялась, Красава... а он книгу взял, пролистал... там много... всякого... и он сперва морщился, а потом... я поняла, что он давно желал уйти, но куда? Он ведь понимал, что там, за оградой, никому не нужен. А увозить больную жену из дому да в поле... нет, так он не согласился бы...

Межена разбирала волосы.

И темные пряди были похожи на змей. Красава с трудом уняла дрожь.

– А книга... там был способ... заговор на скорое богатство. На удачу в делах. На... говорю ж, на разное... не всякий сумел бы воспользоваться. Отец был лишен сил, но вот я... и он тогда сказал, что подумает, что нельзя просто взять и уйти. Не позволят. А вот если причина будет, и веская... ждать пришлось недолго. Старик вздумал выдать тебя замуж. Он и меня хотел... а отец воспротивился. Поссорились. И когда тот сказал, что уходит, старик не стал перечить. Только помнишь, как мы уходили? Лошадь и подвода. Пустая почти. Он не позволил ничего взять. Мол, это добро принадлежит общине. Будто бы не отец своим трудом ставил дом и хозяйство вел... лицемеры.

Правду сказала.

Это уже Красава помнила распрекрасно. Как лаялись дядька и сосед, который желал лошадь взять, а дед стоял и глядел, усмехался в бороду, будто бы радостно ему было, что нету промеж родичами ладу. Тетушкина супружница, белая вся, что пух тополиный, в старую шубейку куталась и плакала. Тихо плакала. Тайком слезы вытирала.

Ей было страшно.

И Красава, на телегу забравшись, шепотом говорила, что все наладится, хотя у самой сердечко из грудей выпрыгивало. Мнилось ведь, что из-за нее, из-за Красавы пришлось дядечке дом родный бросить. А вышло, что... вышло, как оно вышло...

Межена тоже в телегу забралась, закопалась в старую ветошь, только нос из нее и торчал, тогда еще долгонький... и вовсе в селении Межену не называли красавицей. Это уже в столице она вырастет и расцветет, будто бы тут, в шумном городе, солнце ей иначе греть будет.

– Он рискнул. А я... я тоже рискнула... провела обряд... если бы он не сказал, может, и сдержалась бы. Врать не стану, не знаю... самой жуть до чего хотелось опробовать. Она ведь не солгала, та княжна, и защитила меня от камней, и, значит, правда... хотели вдвоем, а проводила я одна. На том подворье, которое первым на пути нашей попало. Будь возможность, отец и прежде заставил бы, но забоялся в селении ворожить...

– Что за обряд? – спросила Красава и руками живот обняла.

Почудилось вдруг, что неладно стало с дитятем.

Замерло оно.

Ан нет, почудилось. Женщины в тягости мнительны да пугливы. Ворочается. И пяткою в бок пихает, спать ему охота. Красава ж разговоры разговаривает, дурища.

– Простенький. На удачу... и на богатство скорое... пара линий. Пара слов. И черная курица, которую дядька украл. Денег у нас не было... я ее на перекрестье дорог резала. Сама.

Своими руками. И кровь лила. И говорила... слова на древнем языке писаны были, а я говорила... легко так... – Межена коснулась живота. – Мальчик будет. Ишь какой...

– А мне говорили, что девка... живот-то круглый, а когда мальчик, тогда с горбиком. И на семках еще гадали. – Красава вдруг покраснела, стыдно стало за этакую дурость. На семках гадание – не гадание вовсе, блажь да глупство.

– Мальчик... это хорошо... – Межена замолкла и улыбнулась. – Помнишь, мы на том подворье старика встретили... он очень сердцем маялся... а дядька ему травку дал... и тому сразу легче стало?

Красава покачала головой.

Не помнила.

Дорогу вот... утомила ее дорога. Лошадка брела, телега качалась. Дядькина жена плакать бросила, но стонала, жестко ей было лежать. Или душно. Красава подле сидела. То водицу подносила, то пот со лба отирала, то виски терла листьями мяты, чтоб головную боль снять. Есть уговаривала... как у пруда стали, то и мыть помогала.

...готовила.

...а самой кусок в горло не лез, страшно было, оттого, что впереди ждет, и оттого, как бы дядечка назад не повернул. Как добрались до двора постоялого, она и вовсе ошалела. До чего людно. Суетно. И все-то спешат. Собаки под ногами шастают. Мальчишки чумазные меж телег суетятся, кого вперед тянут, кого прочь пихают... кони, люди...

– Не помнишь, – с какой-то печалью произнесла Межена. – Ничего... ничего страшного. Память, она такая... хитрая... я вот забыть бы хотела, а не выходит. Тот старик... с него все началось. Он дал за травы монетку. А отец сел играть и выиграл двадцать золотых. Огромные деньги. Мы тогда в ночь уехали, чтоб никто за эти деньги да по горлу... так дальше и пошло. Я обряды проводила. Он играл. В деревнях по-малому, копил, чтобы было с чем... а в столице уже нашлись другие игроки. Главное, чтоб удача не подводила. А я ее прикармливала. Кровью. Уже не только куры... нет, не думай, Красава... мне это нравится начало. А что? Когда еще мне столько почету? Он же смотреть иначе стал... с уважением. Понимал, чьею силой... дело начал. Так в деле торговом тоже без удачи никак. Я не буду лгать, что только для него работала. Нет, и для себя, естественно... знала, что не больно-то хороша... помнишь, какой я была?

– Смутно, – призналась Красава.

– Нехороша... тоща... правда, я и сейчас не в теле, но это ерунда... волосы редкие. Сама серая, как мышь... а были обряды... в этой книге такие обряды были... – Межена вздохнула. – Как устоять? Если с удачей получилось, то почему с красотой не вышло бы? И всего-то надо, что пара слов и кровь... своя... когда на себя обряд делаешь, то своею и платишь... если хватит... своей крови... мы ведь родня, верно? Там все друг другу родня, потому и дети слабыми роятся. Мне магик объяснил... магики многое знают, но знанием своим не спешат делиться. А во власть лезут, особенно бабы хороши... наберутся дури и думают, что раз дар у них, то все им дозволено... книгу мою украли... ничего, я и без нее нужное помню...

Она рассмеялась и, поцеловав Красаву в щеку, сказала:

– Давай спать.

– Замуж...

– Что? Ах да... вышла я... отец так повез, авось приглянемся. Мало ему было богатства... жаден сделался. А мне подумалось, почему б и вправду царицей не стать? Осуждаешь?

Красава покачала головой. Кто она такова, чтобы судить?

– Это мне дорогого стоило... чтобы он... знаешь, каков он? Ты любишь мужа?

– Да. – Красава ответила легко, да и как еще сказать? Она ведь и вправду любит. Он пусть и старше, пусть порой мрачен, брюзглив или еще ворчит, особенно когда погода меняется, но ведь не со злости, раны старые болят.

И ей нравится это ворчание.

И то, как вздыхает он, когда Красава руку на плечо кладет. Успокаивается.

– Завидую. – Межена легла на бок и руками живот обняла. – А я... он старый уже... и умирает... он знает, что обречен, потому и бесится... спешит... ни одной девки мимо не пропустит. Ублюдков наплодил... все боится, как бы венец царский брату не отошел... книгу завел, в которой всех своих ублюдков поименно... от кого и когда... и сколько лет... знаешь, сколько их?

– Нет. – Красава погладила сестрицу по щеке. – Пустое...

– Нет, не пустое... три дюжины! Представляешь? И ладно бы от холопок рожденные, от рабынь... они и сами не знают, какой крови. И плевать на них. Пусть себе живут, как оно живется. Но есть же и другие! Те, которые от боярских дочек прижиты. А бояре... они меня ненавидят. Я им ничего не сделала, а они ненавидят... ждут и не дождутся, когда помру... трижды травить пытались. Проклинали. Только я проклятия их им же возвращала. И смеялась, когда они кровью захлебывались.

И вновь-то она, сестрица дорогая, сделалась страшна.

Белое лицо.

Черные глаза. Волосы шевелятся. И будто бы не Межена, подружка давняя, на Красаву глядит, а некто иной, ее тело примеривший.

– Испугала? – Он сгинул. – Прости... это все терем. Гадюшник знатный... они одну руку тянут, милостей испрошая, а другую за спиной держат. Кто с ножом, кто с удавкой, кто с ядом... так вот и живем.

Межена погладила свой живот.

– Когда я поняла, что... то и осознала: не позволят ему родиться. Изведут. И меня, и его... не посмотрят, что дитя невинное. Нет... пока я пустая сию, то каждый мнит, что царь наиграется, налюбится и отправит меня вслед за второю своею женушкой. Чай, дорога наезжана. И тогда-то вновь станут рядиться за место царицы. Да и те, кому он дочек обрюхатил, тоже помалкивают. Небось, надеются, что помрет он, тогда-то и ублюдки их в терем явятся... но если я рожу... законного наследника... если...

– Родишь, конечно. – Красава обняла сестрицу. – Тебе отдохнуть надобно...

– Отец тоже отравить меня пытался. Знаешь?

– Нет, откудова. Может...

– Он сам сказал... я ему хороша была, когда исполняла все, что говорил. А царицей ставши... в тереме до меня не дотянутся... а мне-то... он хотел, чтобы я жену его вылечила. В книге был способ...

– Но ты...

– Есть такая цена, Савушка, которую я не готова платить. Не готова была...

– Он... его... недруги?

Ей страшно было задавать вопрос этакий. И почернели и без того черные глаза Межены, сделались, что воды мертвого озера.

– Недруги, Савушка, конечно, недруги... хотели нам побольней сделать. – Сухие губы коснулись щеки. – Спи... я от них сбежала...

– А царь...

– Есть кому его занять... знаешь, он ведь и не заметит, что я ушла... когда я рядом, взгляда с меня не сводит. А отойду, и забывает... у всякой волшбы своя цена... иную и поднять непросто...

– Спали.

– Кого?

– Книгу. – Красава вцепилась в руку сестрицыну. – Она тебе без нужды... она...

– Говорю ж, украли ее.

– Кто?

– А я откуда ведаю? Знала бы... или не украли, но сама ушла... только знание с собой не забрала... нет, я не помню ее, чтобы всю, но многое, на свою беду... или на счастье... а ты спи, Красава... и я буду... у тебя меня искать не станут. Примешь?

– Приму, конечно.

– Вот и ладно... засыпай. – И теплая ладонь скользнула по щеке. Глаза тяжестью налились, но Красава со сном боролась.

Пыталась.

Она помнила, что не желала засыпать, но не имела силы, чтобы пробудиться. Встать... а надо было... плыла она... горела... и мерзла. А после вновь горела. Стояла на берегу. Озеро черным-черно, а сквозь черноту эту будто бы Меженино лицо проглядывает.

Или не ее?

Женщины красивой до того, что сердце замирает.

Женщина эта стоит.

Усмехается.

Палец к губам прижала. Мол, молчи, Красава, что видишь, а иначе столкнут и тебя в воду. А она студеная... хочешь, Красава, тайну расскажу? Такую, которую никто не ведает?

Нет.

Или красавицею сделаю? Ты-то мужа любишь, а вот он тебя... любит ли? Вправду думаешь? Ты не хороша, а в тягости и вовсе подурнела... девка будет... девки из матери красоту тянут. Вот и останешься рыхлою да дебелий. Нет, бросить тебя муж не бросит. Порядочный он. Но разве легче с того?

Заведет полюбовницу.

Холопок-то красивых без меры, ты же...

Нет.

Жарко.

И холодно. Холод у самого сердца и не дает сгореть вовсе... и Красава в эту искорку холода вцепилась. Знала, что коль отпустит, то и сгорит.

Не желала.

Держала. Сжимала в мертвеющих пальцах. И дышать становилось легче. Женщина исчезла, зато появился дед. Он ничего не говорил, лишь головой качал укоризненно: мол, дура, искала счастья в большом мире. Забоялась судьбы, которая Божиной покладена, так бери теперь и не жалуйся.

Красава не жаловалась.

Терпела.

И жар. И холод. И деда. И сон ее тягостный истончался порой... тогда она слышала разговоры.

– ...я утром явилась, а она мечется. – Это Межена говорила кому-то.

Неправда!

Зачем она лжет?

Она ведь ночью пришла... и ложь малая, пустая... ведь не к полюбовнику царица ходила, а к сестре своей... так зачем? И отчего ложь эта самой Красаве кажется важною?

– ...целитель мой говорит, что застудилась боярыня. Вышла распаренная, водицы студеной выпила. Или ветерком протянуло...

...еще одна ложь. Красава берегла себя.

На порогах не сживала.

Волос не резала.

В зеркала по середам не гляделась. И воду студеную точно не пила. Но жар... откуда он...

– Мне жаль, боярин.

Правду сказала. Ей действительно жаль.

– Я посижу тут, с нею... она одна у меня осталась...

Нет!

Но муж позволял. Его Красава слышала будто бы издали и чужая слабо... тянулась, а не дотягивалась. И за руку схватить бы, взмолилась, чтоб не уходил, не бросал ее, но...

– Лежи, дорогая... скоро все закончится. – Межена сидела у изголовья и сама вытирала пот со лба Красавы. Мочила тряпицу в душистой воде.

Клала на лоб.

Убирала волосы влажные. Целовала холодными губами.

– Скоро уже... прости... такова цена... я не хотела... и не хочу... но или ты, или мы... и не во мне дело даже... и не в нем... во всех людях... в царстве... растащат ведь на куски. А там, за границей, азары... хлынут рекой лютой. Выжгут землю эту дотла... а пепел развеют.

Не понимала Красава.

Но кричала. Молила отпустить ее или дитя, которое вовнутрях затихло... только не слышали...

– Не сопротивляйся. – Межена заглядывала в глаза. – Чем сильнее ты упрямисься, тем хуже... амулет надела... он тебя не спасет...

...не спас бы, верно.

...дед пришел. Когда? Красава не знала. Открыла глаза и увидела его, хмурого, белого. Сидел у изголовья, в посох свой вцепился.

– Живая? – спросил он скрипучим голосом.

– Дедушка... – Вдруг захотелось, как в детстве далеком, залезть к нему на колени, обнять, прижаться и рассказать по секрету великому обо всех обидах своих, великих и малых. Может, и не станет он жалеть, не умеет, а все одно на душе полегчает.

– Дура, – сказал он громко и сплюнул. – Чего с бабы взять... и я дурак, что увезти тебя позволил... теперь-то уж чего?

Красава расплакалась.

Она вдруг осознала, что жива... и что не рада тому, потому как внутри у нее странная пустота, будто кусок из сердца вытянули.

И догадки страшась, она положила руку на живот.

Так и есть.

Пустой.

– А где...

– Поздно я пришел. Силы уже не те... – Дед отвел взгляд. – Мертвого ты родила.

Неправда!

Живое дитя было... это она, Межена... приехала и забрала... и...

– Где... она?

– Царица-матушка? – Дед криво усмехнулся. – Давече отбыть изволила... не пожелала со мной свидеться... спешила очень.

– Это... это она...

Дед вздохнул.

– Всякая волшебба цену свою имеет... за одно малым платишь, за другое и цена больше... чтоб жизнь получить, жизнь отдать надобно... вот она к тебе и явилась. Вы все ж родня, как ни крути...

– Жизнь...

– Жизнь за жизнь...

Больше дед ничего не сказал.

Красава сама поняла. Жизнь за жизнь? Жизнь ее ребенка за... то, что зрело в утробе Межены. Размен? И сама она, проклятая – правда, Красава сомневалась, что проклятия ее

причинят Межене настоящий вред, – убедила себя, что делает сие не для себя, но для всего царства.

Тварь.

Ненависть была глухой.

А сама Красава – слабой. Она не желала возвращаться. Уж лучше сон. Жар. Горела? Так и сгорела бы... вместо дитяти... почему оно? Потому как защитный амулет был у Красавы? А дитя... как же Божиня, которая милостью своей защищает сирых и слабых...

...не сгорела.

...и отойти не позволили.

Муж приходил, разговаривал ласково... утешал... убеждал, что будут и другие дети... только Красава знала – ложь. Не будет. И ему сие ведомо. Кто сказал? Дед? Межена, когда поняла, что не дано ей обе жизни забрать? Не суть.

Главное, что лишили ее, Красаву, самого желанного...

...и ночами, оставаясь одна – Красава гнала девок прочь, не желая, чтобы видели они слезы ее, – она молила Божию.

О смерти.

Или благословении.

О мести...

И видно, слишком много было этих желаний, потому ни одно не исполнилось. И когда Красава почти уже решила сама с жизнью расстаться – уж это-то право у нее не заберут, – вновь пришел дед.

– Дурное задумала, – сказал он и положил ладонь на голову. – Ты это брось. Коль случилось, то так тому и быть...

– За что? Я ведь... я ей ничего не сделала... никогда... она... сестра... была как сестра... а она...

– Не всякое родство во благо.

– Но как же так... – Эта мысль не отпускала Красаву. – За что?

Она расплакалась. Именно теперь, рядом с дедом. И тот, как в детстве, обнял ее крепко.

– Ты... ты ее отпустил...

Она знала и это.

Откуда?

Оттуда же, откуда знала, что родился мальчик и что жил он, пусть и недолго. И что похож был не на мужа, не на Красаву, но на дядьку.

Рыженький.

С глазами голубыми, ясными...

– Отпустил, – согласился дед.

– Ты мог бы остановить ее...

– Убить. Ты хочешь, чтобы я ее убил?

– Да!

Она выкрикнула и... замолчала. Убить? Межену... она... она тварь... она не пожалела Красаву, не пожалела и дитя нерожденное... она пришла, чтобы забрать жизнь, и не сомневалась, не раскаивалась... и почему Красава должна...

– Нет, – выдохнула она, вытирая слезы. – Нет...

И дед поцеловал ее.

– Спи. Боль пройдет...

Солгал.

Глава 3

Безумие Красавы

Красава прижала палец к губам.

– Молчите... человек, в которого заглядываете, Зослава, будет знать, что вы заглянули, но вот понять доподлинно, что именно вам случилось увидеть, он не сумеет. Пока вы молчите.

Я кивнула.

Молчать.

От как есть, молчать... и молчу... стою, силюся управиться с этой чужою памятью. На кой она мне? Мне собственных забот ныне хватает. Вона, бабка капризная, которая рогом уперлася, что не поедет в Барсуки. Мол, здоровье у нее слабое... и Марьяна Ивановна – бабка с нею сдружилася крепко, что мне было не по нраву, – кивает.

И вправду слабое.

Не выдюжит дорогу, хоть ты самолучший возок прикупи.

Арей, с которым бы словом перемолвиться, а он меня сторонится, глядит искоса. Кирей... и третий мой жених, про которого только и ведаю, что монетка у него имеется закаятая. И этой монеткою он мою жизнь давече спас. И как быть?

А тут вот еще она...

Стоит боярыня, любитесь цветами... ишь, поднялись крокусы... и красные, и лиловые, и белые, в глазах прям рябит. Вот в наших лесах сперва-то подснежники вылазят, а следом – ветреница, и леса тогда белым убираются, будто бы снегом теплым.

Там уж следом яблони зацветают, вишни и сливы... груши старостины, которые не белым – ружовым цветут, и так хорошо, что днями бы под ними сидел и любовался.

А она мне тут памятью поделилася.

Про заговоры.

Про царицу-матушку, которая...

Сглотнула я и отвернулась. Не хочу думать. Не бывает такого, чтоб одна баба у другой дите отняла и с холодным сердцем, со спокойствием совершила сие... волшба темная... чего ради?

Нет, мне распедавали и про азар, и про царствие.

И про то, как важно, чтоб наследник за царем на престол воступил, взял в руки что венеч драгоценный царский, что скипетру, что иные власти символы. И чтоб бояр приструнил, хватит им промеж собой лаяться. Чтоб людям дал воли чутка... чтоб...

...и потекут тогда по царствию Росскому молочные реки да с кесельными берегами. А в каждом дворе пряничное дерево вырастет.

Вздохнула я.

Не на себя ведь злюся и не на боярыню, которая мне рассказала – как сумела, так и рассказала, – а на то, что не ведаю, чего с этим рассказом делать.

Царевичам распедавать?

Так они матушку свою паче родной любят. Поверят ли? Я б, скажи мне давече, что бабка моя мертвым духом одержимая, в жизнь не поверила б. И рассказчику оному в ясные оченьки плюнула б, а то б и по лбу дала, для вразумления.

И они чем лучше?

Кирей?

Нет, он тоже царицу чтит.

Ильюшка? Лойко? Этим двоим любить матушку нашу не за что...

– Не знаешь, что тебе делать? – Боярыня на небо поглядела. – Ясное какое... тем летом нас с мужем во дворец призывали... принимала нас сестрица ласково, позволила на царевича взглянуть. И потребовала клятву принести кровную, что молчать стану. А нет, так и... казнить нас, конечно, не за что. Но дороги нынче не спокойны, а ну как поедem домой и беда случится? Лихих людей в царстве развелось – тьма-тьмущая...

Уж не тех ли лихих, которые наставницу Люцианы Береславовны в ирий до срока спровадили?

– И я клятву дала. Ее и не нарушила. – Она улыбнулась мягко, счастливо. А мне подурнело прям. Выходит, клятва клятвою, а любую обойти можно. – Вернулись мы с мужем в земли родовые его... жили... как жилось, так и жили... тихо... он школу построил для деток простого звания... мальчиков грамоте учат. Слову Божиину. И еще, если случается, что дите с даром, то сюда... магика вот, царицей даденного, к делу приставил... Варей уж в годах, а с детьми возиться полюбил... учит, как умеет... да...

На раскрытую ладонь боярыни села бабочка.

Крылышки атласные.

Золотом шитые.

Велика.

Красива. И боярыня замерла, глядя на чудо этакое.

– И забыли бы обо всем... насколько получилось забыть...

Ох, мнится мне, что дурно получилось. Иная память – та еще мука.

– ...а годков этак десять тому дед явился... пришел тайными тропами. Смурной. Худой. Слег в горячке. Я уж думала, он и вовсе отойдет... сидела подле постели. Пусть и дурной у него норов, а все родич... последний...

– Что?

– Я не сказала? – Боярыня пальчиком тронула хрупкое крыльце бабочки. И та дернулась, но не слетела с ладони. – Запомнoвала, должно быть... сгинул наш поселок...

– Как?

– Умерли все... от неведомой болезни...

Распovedывала нам Марьяна Ивановна про иные болезни, от которых в поселениях ни малых, ни старых не остается, что идут да люд честной косой выкашивают.

– В один день... в один час... дед тогда у озера был... если долго смотреть в Мертвую воду, то можно увидеть душу...

– Чью?

– А чью покажет... не знаю, кого он искал. Знать, надо было, если сидел. А вернулся – в поселении все мертвые, что люди, что зверье... сказал, ни кошки, ни куры не осталось... и волшбою мертвую тянет. Он думает, что это Межена вернулась... но зачем ей?

От чего не ведаю, того не ведаю.

Бабочка крылья развернула и поднялась, полетела неровно. Вверх и вниз. И вбок. Будто след путает... вся эта история запутанная – страсть.

– Сказал еще, что волшбу творили темную подле деревни нашей. Там места особые, и силу можно пробудить такую, с которой не всякий человек совладает. И пробудили. Эта сила его позвала. Но дед упрямый. А может, Божиня оберегла... получилось уйти...

Она склонила голову и пальцы, щепотью сложенные, к сердцу приложила.

Искренне ли?

Нет, видела я все глазами Красавы, да только... только ныне слышалась мне в речах ее будто бы илжа? Иль тень от нее...

– С того времени дед вовсе странен сделался. Жить жил... муж мой добр, старику в приюте не отказал, пусть и старик этот его безбожником обзывает. Сам-то молился денно и ночью, все просил простить его и тех, кто его виною жизни лишился... верно, будь послабей,

ушел бы. А вот зимой нынешнюю очнулся точно. Сказал, что открыла она ворота тому, с чем ныне не управится... что только дурак может думать, будто по силам ему бурю оседлать да над весями прокатиться... и ушел... а нас в столицу пригласили. Не хотела я ехать... и ныне не хочу тут оставаться... встречаться с нею... быть может, ей вновь жизнь понадобилась?

Она говорила уже, не глядя на меня, без страха или тоски, но будто бы сама с собой. Голову набок склонила, пальчиками коснулась тяжелых заушиц.

– Заберет? Пускай... главное, помолиться... и в баню... а то станут девки обмывать, шептаться будут, что боярыня грязью заросла... в столицах все завистливые. Я-то легко уйду... что тут... а там сынок мой ждет. Знаю, давно ждет... притомился, должно быть... кто ему колыбельку качает? Кто песенки поет? Я хорошие знаю... мне мамка не пела, но я знаю... а дед говорит, что дурная, если поперек судьбы хочу... просто песенки... и одеяльце... вдруг да в ирии сквозит?

Она обернулась.

Уставилась на меня глазищами, в коих разума – ни на каплю. В руки вдруг вцепилась.

– Вдруг да в ирии сквозит? А у него одеяльца нету! Я говорила, что надобно его с одеяльцем... а они – что Божиня позаботится...

– Савушка! – Боярин бежал по дорожке, растерявши всякую солидность. Пыхтел, полы шубы подхвативши, боярский малый посох в подмышку сунувши. Шапку – в другую. За ним и девки неслись санные в сарафанах нарядных, зеленых. Спешили, торопились, да не могли поперед хозяина скочить, оттого и гляделось это дюже забавно. – Савушка, вот ты где...

– Это он все. – Красава дернула меня. – Он! Он продал наше дитячко... польстился на золото царское. А теперь вот притворяется невинным. Но Божиня все видит! Божиня его накажет!

– Савушка!

Он был высок.

И некогда, должно быть, хорош собою. Ныне же раздался телом, обрюзг. И кафтан, шитый из дорогой ткани, не скрывал это обрюзглости. Нависал над поясом золотым живот. Блестело испариной красное лицо с чертами крупными.

Из мясистого носа торчали седые волосы.

А борода боярская рыжею была.

На щеках же, сквозь красноту, конопушки виднелись.

– Савушка... – Он выдохнул и шапку с головы стянул. – Зачем ты ушла? Простите, сударушка, что она вам тут... наговорила.

– Ничего. – Боярыня хитро улыбнулась. – Ничего не сказала. Знаешь же, что сказать не могу. Это тайна.

Она прижала палец к губам.

– А вот показать... все ей показала... как есть показала... и теперь она знает правду!

У меня ажно похолодело все.

А вдруг да... мне сию правду и точно знать не покладено. Глянул на меня боярин, роту открыл, да и закрыл: девки аккурат подбежали. Засуетились.

– А куда ж вы, матушка, сгинули... а мы так в волнение пришли... а ну как заблудились... а если б споткнулись, ноженьку поранили... – гомонили они все разом, боярыню окружая. У меня и то перед глазами зарябило от зелени да шитья.

Богато живут, ежель и холопки в шелка рядятся.

– Моя жена, – боярин шапкою отер пот со лба, – говорит, сама не ведает, чего...

– Ой, матушка... солнышко-то припекает, вы перегрелись...

– Кыш пошли, кликуши. – Красава попробовала вырваться из цепких девичьих ручек, но не позволили. А меня ажно замутило.

Вспомнились иные девицы.

И то, как верещали они, приговаривали...

...нет, не виновная я в их смерти. И бабка не виновная. Хочу так думать, да совесть не угомонится никак, все нашептывает, что, когда б не мы с бабкою, жили б девки долгую жизнь. Были б счастливы? Кто знает, может, и не были б, да все одно...

– Кыш!

– Красавушка, не надо... выпей вот. – Боярин сдернул с пояса флягу чеканную и девкам сунул. – Дайте боярыне отвару...

– Матушка, выпейте... всего глоточку...

– А и выпью. – Она остановилась и вырваться перестала. – Почему б не выпить? Я все сказала... все показала... и теперь...

Она вырвала флягу из рук растерянной девки и поднесла к губам.

– Она видела, понимаешь... она видела... и ей ты не скажешь, что я умом повредила, что несу невесть что... клятва... знаешь, в чем радость безумия, Зослава? Мы не ведаем, чего творим... мы не властны над своим разумом, а значит, ни одна клятва... они слетают, как слетают оковы...

– Савушка, – простонал боярин. – Это у нее... после того, как сыночка нашего потеряла... вот и повредилось, все ей мерещится глупое...

– Мерещится. – Красава сделала глоток. – Никак иначе... а знаете, что обидно? Я потеряла. А он... у него наследник недавно родился... а ведь клялся, что изменять не станет... и она клялась, что мы с нею вдвоем... сестры... до скончания времен сестры. И они тоже безумны, если клятвы их ничего не значат. Как вы думаете?

Ее взгляд вдруг потускнел.

И пальцы разжались, но ловкая девка не позволила фляге упасть. Другая и боярыню подхватила.

– Вы уж извините. – Боярин шапку кое-как напялил, лысину прикрывая. – Не думал, что она этакое учинит... хворающая она... вроде и здоровая, а как распереживается, то и несет невесть что.

И глянул так, искоса, мол, верю ли...

А я чего? Кивнула. Мол, так и есть.

Хворающая.

А хворым многое простительно, даже клевета на царицу-матушку.

Глава 4

Про царицу-матушку и ея милости, от коих не откажешься

Арею только и дали время, что помыться.

А может, мылся он слишком долго. Сначала все глядел на купальню, не способный заставить себя переступить порог. Вид воды вызывал тошноту.

Отторжение.

А ну как коснется она кожи, та зашипит, и пламя погаснет.

Это не он – оно, упрямое под сердцем заветным угольком силы, беспокоилось. И Арею стоило немалого труда беспокойствие унять.

Он сделал шаг.

И другой.

Вдохнул влажный тяжелый воздух. И осознал, насколько грязен. Зарос. Одичал. Одежда и та к телу прилипла. Вон, Хозяин, показавшись, кривится...

– Я ж не сам, – сказал Арей и рубаху стянул.

Ее проще выкинуть, чем отстирать, да только не в его положении одеждою кидаться. Гордость гордостью, а все ж он, Арей, как есть нищий.

– Сюда клади, охламонище, – велел Хозяин, пальчиком на лавку указывая. – Пришлю кого из молодых... а то ж и вовсе закоростишься...

Спину, что характерно, потереть не предложил.

В купальнях по предрассветному часу было тихо. И благостно.

Горячая вода.

Местное мыло, пусть и не духмяное, темное, но едкое. И грязь, казалось, слоями сползала с кожи. И сама эта кожа делалась тоньше.

Мягче.

Боярская, чтоб ее...

...вода, поначалу злая – чуяла стихию иную, враждебную, – норовила обжечь, но после смирилась, успокоилась. Она стекала по шее, по плечам, унося усталость.

Арей и не понял, насколько устал.

...громко, упреждающе хлопнула дверь.

И в купальню заглянул мрачный Еська.

– Живой? А и хорошо... до холеры... матушка тебя видеть желает... немедленно, – он говорил и глядел под ноги, и вряд ли от излишнее стыдливости. А после вскинулся, тряхнул головой. – Матушка... ты слушай ее... она хорошая... когда ей что-то надо, она очень хорошая. Только не спеши соглашаться.

И усмехнулся так, кривовато.

– Это как на рынке... на первую цену товар не берут.

Арей кивнул: мол, понял.

Испугался?

Нет. Отнюдь. Устал он бояться.

Преисполнился надежд? Скорее уж опасений. Дела царские его не касались, а раз уж коснулись, то с этакое прикосновения и без шкуры свежестиранной остаться недосуг.

– Я тебе там одежки принес... ты вроде с Евстей одного сложения, авось и подойдет.

– У меня своя имеется.

Про одежду говорить безопасней, нежели про царицу и планы ее, про которые Еська если и не знает, то всяко догадывается.

– Имеется, – согласился Еська и палец в ухо засунул, поскреб. – Только нечего матушку ее видом смущать... небось царица, а не просто так... и не кривись. Чистое все.

Шелковая рубаха.

Кафтан черный из бархату.

Благо, ни каменьев, ни золота. Простая одежда, если б не ткань – мягкая да текучая, к телу льнущая, – вовсе б обыкновенной была.

А сапоги Арей свои надел.

Пусть помятые, истоптанные изрядно, зато по ноге.

Еська за одеванием наблюдал молча. Только, пояс протянув, заметил:

– Думаю, голова у тебя есть, потому и сообразишь, что в ее присутствии лучше помалкивать. И не колдовать. Она этого очень не любит...

...ждали.

...родич дорогой хмур, что туча грозовая. Набычился, но ни слова не сказал. Только окинул с ног до головы цепким взглядом.

...повели.

...тропа сама собой раскрылась в каменной толще, и только слышно было, как где-то далеко, а может, и близко, ворчит Хозяин, приговаривает, что, мол, утратили люди совесть всяческую, ежели приличную нечисть по-за всяких глупостей от дел отрывают...

Узкая тропа.

Как боком протиснуться.

Прямая, что тетива.

Идешь, а будто бы стоишь. Вязнешь в каменной громаде стен. Неуютно.

Опасливо.

А ну как здесь Арей и останется? Случалось в истории и такому... кажется, с Войгардом Трусливым, который, вместо того чтобы врагам отпор дать, велел поджечь город и сам попытался скрыться. Да то ли магик при нем был подкуплен, то ли неумел, а может, и нежить подшутить велела, но остался он в камне... в летописях сказано было, что его три дня и три ночи выбивали...

...зачем?

Дела давно минувших дней. И не о них думать следует, но о царице.

Кто донес, что Арей...

...родственничек. Больше некому.

...или тот доброхот, который грамотку оставил?

...или еще кто?

Когда это он успел ввязаться в придворные игрища? Или... правом крови?

Под ногу подвернулся коварный камень, и упасть бы, да не позволили, подхватили под локоток в притворной заботе.

– Ты, родственничек, – шепот Киреев прозвучал презловеще. – Не спотыкайся, а то еще помрешь тут, что тогда? Матушка огорчится...

– Зачем меня...

– Сама расскажет. И ты, будь добр, выслушай... я понимаю, что с огнем сладить тяжело. И кротостью норова ты в прежние времена не отличался, а все одно, когда чего-нибудь сказать захочется, дай себе труд подумать минуточку, надо ли сие говорить...

Какое доброе напутствие. И забота такая, что прослезиться впору.

А тропа закончилась.

Вывела к пустырю.

Серый. Тоскливый, что погост при Чумной слободке. Только не хватает, что крестов упреждающих с белыми полотнищами. А так... трава реденькая из земли поднимается.

Деревца кривые торчат, то ли растут, то ли для пушей зловещности поставлены. Листочков на них скудненько.

Небо и то посмурнело.

– Живописненько. – Арей озирался.

Высилась неподалеку каменная ограда. Значит, место сие рядом с Акадэмией находится... странно, Арею мнилось, что он все окрестности изучить успел. А вот такой живописный пустырек и пропустил.

Огорчительно.

– И куда дальше?

– А туда... – Кирей указал на кривобокий дубок, который поднимался над холмом. Как холмом... холмиком...

...склепом.

Старым склепом, который успел опуститься в болотистую жирную землю. А может, она приподнялась, обняла его влажноватым покрывалом мхов, расцветила желтым лишайником, пытаясь хоть как-то украсить камни.

Глыбины сложены были плотно.

Тесно одна к другой.

Над ними воздух дрожал, будто от жара.

– Здравствуй, Арей. – Царица сидела на скамеечке у приоткрытых ворот. Проржавелые, они гляделись до того хрупкими, что тронь – и рассыплются.

Ложь.

Арей это почуял.

И магию, окружавшую это место плотным коконом. Магия эта была незнакома ему, густая, она потянулась к Арею, оплела, обволокла паутиной.

Первым порывом было смахнуть эту паутину.

Избавиться.

Но Арей сдержался.

– Хорошо. – Царица позволила себе улыбку. – Ты с собой смог совладать. Не стоит бояться. Охранитель лишь убедится, что ты не желаешь мне зла.

– А я не желаю?

Огонь брал свое.

И Арей запоздало прикусил язык. Все же дерзко вышло. Не говорят так с царицами.

– Не желаешь. – Она разглядывала его. Внимательна. И... чего увидеть желает? Арей стоял. Он поклонился, как умел, и спину разогнул, ибо не боярин, чтобы взыскивать милостей показной покорностью. – Зачем тебе желать зла слабой женщине?

Магия отползла.

Она свернулась у ног царицы, обрета обличье дворового пса. Не холеного волкодава, которые ноне на каждом втором подворье держат, и не борзой, собаки благородной, и не махонькой пустилайки, из тех, что боярынь забавляют.

Нет, пес был сер и уродлив.

Кривоглаз.

С шерстью свалявшейся, сквозь которую просвечивали рубцы.

Он скалился, наблюдая за Ареем единственным блеклым глазом своим, и оттого Арею делалось жутко. Было в этой твари нечто, роднящее ее с подгорной тварью.

– Незачем, – произнес Арей, явственно представивши, что вот-вот сейчас сам ляжет к ногам царицыным, если не верным псом, то телом бездыханным. Найдется ли на пустыре яма какая, годная, чтоб тело его прикопали?

– Вот и я думаю, что совершенно незачем... нам с тобой делить нечего. – Тонкая ручка легла на хребтину твари, скользнули пальчики по косматой шерсти. – А помочь друг другу мы способны, да... ты уже знаешь, что твоя мачеха отошла в мир иной?

– Сказывали.

– А что отошла она... не сама?

– Нет. Но мне... подумалось.

– Это хорошо. Мне нравится, когда люди думать умеют.

Царица рученьку приподняла, и липкая магия потянулась за ней, не желая расставаться. Серые нити. Грязные. Неужто сама она того не замечает.

Привыкла?

– Ксению Микитичну при дворе жаловали... мой супруг не раз говаривал, что редкостного ума женщина... но и его, видать, не хватило, чтоб с запретной волшебю не связываться.

Арей молчал.

Если его и позвали для разговору, то скажут, когда настанет его черед говорить. А пока ему дозволено стоять, разглядывать царицу...

...дивиться.

Сколько ей лет? Уж не молода.

Для человека.

А она чародейка... об этом Арей никогда не слыхивал. Да и странно сие было.

Царица и чародейка... кто допустил?

Как?

Неужели и вправду приворожила? И если так, то...

...то не Ареева ума сие дело. Ему ль больше других надобно?

– ...верно, очень уж она на мужа обижена была... вот и спровадила в мир иной, да упокоится собственная мятежная душа ее. – Царица склонила голову.

...красива.

...зыбкая хрупкая красота, что рассвет над болотом. Туман. Дрожащий лист осины, что все никак не найдет в себе сил расстаться с материнской веткой. Первая изморозь на толстом стекле.

...гибель.

Откудова это? Огонь притих, свился в тугое кольцо, готовый выплеснуться и сжечь все, что вокруг есть. Пустырь? Не будет пустыря.

Земля?

И ее не станет... и твари желтоглазой, что во все клыки ухмыляется.

– ...в доме нашли и отраву... и кое-что иное... слышал про мертвый пепел?

Арей кивнул.

...еще одна заклятая забава. Кости невинно убиенной девы, которые на особом огне жгут, да медленно, да с заклятьями, которые душу, коль еще не отлетела она, к костям привязывают.

Мучит.

Горечью наполняет.

...запретное знание, вымаранное. Откуда?

И зачем?

Мертвый пепел на многое годен, да только в этом многом – ничего доброго. Не поднимет он на ноги умирающего, разве что суть саму извративши, вылепивши из человека умертвие. Не исцелит. Не одарит красотой, здоровьем...

Холоден мертвый пепел.

Жаден.

Коснись, и, теплом человеческим разбуженный, тепло это станет тянуть, желая сам согреться, да не выйдет...

– Слышал. Как интересно. И откуда, позволь узнать?

Арей хотел было солгать, но язык прилип к небу, а голова налилась свинцовой тяжестью.

Стоит. Держится на ногах он. Но как стоит? Как держится? Не иначе – чудом.

– Говори, – велела царица.

И псина у ног ее зарычала глухо.

Арей мотнул головой и зубы стиснул.

Навалилось.

Дурное. Клятое. Землей тяжелой, могилой каменной. Ни вдохнуть, ни выдохнуть... и чего упрямится? Запретное знание? Само – еще нет... в той книге сказывалось о заклятиях изведенных, коии в прежние времена частенько встречались, но после были внесены в особый список.

Как и те, кто баловался ими.

А что с ними стало?

В книге стыдливо упоминалась воля царская...

– Не упрямясь, – попросила царица-матушка, губы облизав.

А личико белое, губы же красные, что соком измазанные. И глаза блестят жадно, как...

– Книга... в библиотеке. – Арей вытер кровь, что из носа потоком хлынула. – Наткнулся как-то... «Медные колокола, или Повествование о временах темных».

– В библиотеке, значит... в иных библиотеках много интересного сыскать можно. А название красивое... как думаешь, если попрошу, перепишут?

– Д-думаю, перепишут.

Кровь на черном не видна. И Еська, который рядом держится, взгляд отвел. Не видит? Или не желает видеть? Собаки. Магии этой... силы... она, хоть царица, но разве вправе примучивать человека, который ни в чем-то не виновен?

...а ведь в мужское платье одета.

Сразу Арей этого не заметил, а теперь вот... как есть... и не азарские широкие шальвары, которые и не сразу угадаешь, что шальвары, а не юбки хитрого крою, но самые обыкновенные. В узкую полоску. И кафтанчик бурый, суконный.

На царице?

– Извини, боярин. – Она смотрела с усмешкой, и подумалось, что в самые мысли глянула, а если и нет, то глянет еще. Что увидит? – Интересно мне стало. Такая ненависть лютая, которая человека руки в запретной волшбе замарать толкает, не каждый день встречается. К счастью...

– Думаете... на меня она готовила?

– А на кого ж еще? – Царица подняла руку, отряхнула, избавляясь от серых нитей. – Мне-то, конечно, шепчут, будто бы вознамерилась Ксения Микитична сыновьям моим навредить... дескать, у сыночка ее тоже кровь для наследования годная, да только в это не верится...

– Почему?

– Чутье... уж прости, но ему я верю больше, нежели дознавателям. Не было в ней честолюбия. Да и любила она сына... очень любила... но любовь эта глаза ей не застила. Понимала, что нет в нем того стержня, который и царство удержит, и самому удержаться позволит. А потому... получи Игнат корону, сломался б под тяжестью ее... нет, другого ей желалось. А ты мешал. И ныне понятно стало чем. Свиток не выкинул?

– Нет.

– Замечательно. Отдашь моему человеку. Но в терем явиться тебе надо будет...

– Зачем?

Пес глухо зарычал: не стоит открывать рот, когда с тобой царица-матушка беседу вести изволит. Слушай с почтением, и довольно с тебя.

– Затем, что сие весьма огорчительно будет, если столь древний и достойный род обрвется. Их уже немало таких... глядишь, и вовсе оскудеет земля Росская. Мы этого не можем допустить.

Ложь.

И серое марево колыхается, не угрожая еще, скорее интересуясь: и вправду ль ты, боярин, осмелел настолько, чтоб обвинить царицу во лжи? Она снизошла до беседы с тобой. Она добра к тебе.

А ты...

Арей глядел под ноги.

На сапоги свои истоптанные, перевязанные веревкою. На серую землю, будто пылью припорошенную. На темную траву, которая была не то жива, не то мертва...

– Мы с супругом моим, да продлит Божиня дни его, хорошо знали твоего батюшку. И ведомо нам было желание его признать старшего сына, пусть бы сие и вызвало немалый гнев Сухомлинских. Они ныне ратуют, чтоб земли им отписаны были, раз уж Ксения Микитична умерла и сын ее сгинул... печальная история.

Сказано это было без тени печали.

– Мы же полагаем, что Сухомлинские и без того богаты. И что богатство им не впрок идет. Загордились. Зашептались, что, дескать, царь земле Росской вовсе не надобен, что доволи будет Думы, которая бы и законы принимала, и смотрела б, как они исполняются.

Царя не надобно?

Это... это у Арея в голове не укладывалось.

Как без царя?

Нет, он читал... многое читал... и про города древние, в которых правил то совет мудрейших, то дума богатейших... но чтобы царство Росское и без царя? Это как... да как ищи без сметаны. Вроде бы и возможно. В теории.

А на практике будет не то...

– Вижу, ты удивлен. – Царица рученькой махнула. – Присядь. Будь добр.

Арей огляделся.

Куда?

Разве что на камень голый, выползший из травяного ковра. Гладенький да ровный, глядится он макушкою великана, под землю ушедшего. И присаживаться на такой не очень-то охота.

Но царицам не отказывают.

Во всяком случае, в мелочах.

И Арей присел.

Камень был холодным, а еще – чарованным, как и все это место. Интересно, существует ли оно, вот такое, в нынешнем своем обличье? Прячется где-нибудь подле Акадэмии, укрытое полотнищами отворотных заклятий. Запертое древними чарами.

Охраняет...

Кого?

Или что? Вот эту гробницу, от которой веяло древнею жутью? И того, кто в ней схоронен? Мертв ли он? Иль живым заперт?

– Не самым им эта мысль в голову пришла... но показалась удачной. Весьма удачной... и не только им... многие спят и видят, как бы сесть на трон золотой. Или отпрысков своих усадить. Но это те, в чьих жилах хоть капля нужной крови имеется. Сколько их? Десяток семей? Два? Не так уж и много, если подумать. А вот прочих, которым тоже власти охота, великое множество... сотня первая семейств богатых, знатных... при каждом – своя дружина... по отдельности если – плюнуть и растереть. Одного магика довольно, а вот если сговорятся... пока царь один, то и трон один, и тот, кто в него сядет, тоже один, им сговориться сложно...

Она рассказывала это, лаская тварь, в которой все меньше оставалось песьего. Облазила шкура клочьями, а сквозь нее проглядывала иная, но тоже уродливая.

Пес?

Нет.

И не волк. И зверь неведомый, длиннолапый, с короткою шеей, с уродливою безглазой головой. С пастью, в которой клыки двумя рядами...

– А вот если дойдет и до прочих сия идея... – Царица замолчала, и зверь прихватил тонкие пальцы ее, сжал осторожно, не то утешая, не то ласки требуя. – Понимаешь, что будет?

Арей кивнул.

Трон один. А в Думе мест всем хватит. Разорвут власть, что одеяло, на клочки, и каждый своим тешиться станет. Хорошо ли это?

Для кого?

Не будет царя.

И клятва, которую магики приносят, силу утратит. Свободны станут. И что за этой свободой? Одни в семьи вернутся, чтобы служить роду. Другие будут искать того, кто заплатит больше. Третьи свое воевать начнут. Если силы вдоволь, то отчего б не использовать ее себе во благо? Захватить одну деревушку, другую... четвертые полягут, пытаясь остановить сие бесчинство.

– Мои люди доводят, что разговоры сии крамольные – что пожар лесной, едва ль не в каждом доме ведутся... пока лишь разговоры. Боязно им. – Царица сжала руку, и тварь поднялась.

Кривонога.

Уродлива.

Стоит. Покачивается на невидимом ветру. Того и гляди вовсе сдует.

– Беда этой... вольницы, – слово царица-матушка произнесла с явную насмешкой, – в том, что им сложно сосредоточиться на одном. Двум проще договориться меж собой, чем пятерым. Не говоря уже о десятерых или сотне... а уж если отвлечь их от грызни...

– Мною?

– Тобой. – Ее щеки зарозовелись. – Не только Сухомлинские на земли Ксении Микитичны зуб точат. Есть еще Нарвышины, которым твой батюшка родней приходится. И Зельские... в том роду твоя тетка живет, хоть бездетная, а все родня...

...и все-то из первой сотни, если не по родовитости – царской кровью ни один не отмечен, это Арей помнил, то по богатству.

Знатны.

Жадны.

И за лишнюю медяшку готовы если не на все, то на многое. А земли отцовы – это не медяшка, это кость, которую каждый уже своей считает. И если промеж собой они еще договорятся. Быть может, договорятся... полаются изрядно, подергают один другого за бороды, попроклинают от души, но после, убедившись, что противник силен и не отступится, разделят прибывшее богатство...

Но Арей...

...незаконный сын.

...признанный наследником в обход иной родни.

...раб беглый.

...ныне боярин, равный, стало быть. Этакой пощечины бояре не простят.

– Они же вас...

– Не меня. Кто я такова? – Царица легонько толкнула тварь, и та рассыпалась прошлогоднею сухой листвою. Ветер дыхнул, и листва разлетелась, чтобы вновь собраться, закружиться вихрем. Арей слышал, как шепчутся они.

И древняя сила в склепе пробуждается.

Почти.

– Это мой супруг, милостью Божини овеванный, исполняет волю покойного ныне боярина, верного слуги своего. И неужели каждый из тех, кто ныне, живота не жалея, служит государю, не достоин, чтобы воля его последняя была исполнена в точности?

Она смеялась.

Не улыбаясь. С мертвыми глазами. А все одно смеялась. Над ними, боярами, которые ее ненавидели. Над женами боярскими, что захлебывались ядом зависти. Над Ареем с его смешными потугами выйти из игры.

Никому сие не дозволено, ни царю, ни холопу.

– Отчего же воля эта... – злость поднялась со дна души, мутью, гневом огненным, с которым не совладать, – только сейчас известна стала?

– Оттого, что боярыня в ненависти своей, прятала заветную грамоту...

– И не спалила?

– Верно, настолько совести не утратила. – Теперь губы царицыны алые дрогнули, сложились в подобие улыбки. – Или боялась, что Божиня эдакого не простит...

...мертвый пепел простит, а грамоту сожженную – нет?

– Думаете, вцепятся в меня и про вас забудут?

– Не наглей. – Легкое движение пальцев, и сила накрыла Арея, сырая, что земля, тяжелая. Того и гляди погребет. – Но нет, не думаю... таких, как ты, сотня нужна, чтобы про меня забыли, да и то... но птичка по зернышку клюет. А одна кость, своре собак брошенная, эту свору надолго занять способна. Так что постарайся, боярин... сделай так, чтобы тебя ненавидели...

Вряд ли сие будет сложно.

– А заодно уж... – Царица пальцами щелкнула, и сила откатилась. Недалече. Арей чувствовал ее спиной, этакую башню гранитную, сложенную из стылого камня. Поведет царица бровью, и обрушится башня, погребет его с головой. – Заодно уж невесту тебе приглядеть надобно...

– У меня есть.

– У тебя будет, – холодно поправила царица. – Возможно. В далекой перспективе. Если все выйдет так, как моим сыновьям хочется. Но пока, если я не ошибаюсь, девушка значится невестой Кирея... я ведь не ошибаюсь?

Кирей, который до того молча держался в отдалении, сказал:

– Нет.

– Вот... а двоемужие у нас как-то не принято...

Вновь усмешка.

С ледком.

С холодком в глазах, в которые глядеться – наглость, и Арей за нее наказан будет. Шатается башня за спиной, шелестят камни, осыпаясь. Скажи хоть слово...

– А наследнику великого рода негоже без невесты ходить. Мало ли, что случится? Мы не можем допустить, чтобы сей род угас... а потом... пожалуй, я знаю, что делать... Кирей, мальчик мой, ты-то против не будешь? Ильюшка, пожалуй, обидеться способен, а с другой стороны... вы ведь друг с другом хорошо познакомиться успели. Ты ему жизнь спас... а это благодарности стоит, верно?

Нехорошо стало.

– Потому считай сие знаком особой милости. Нам с супругом горько осознавать, что воля нашего верного слуги столь долго не исполнялась. И во искупление, во знак особое милости, мы отдаем тебе, боярин, в жены Любляну Батош-Жиневскую...

Арей рот открыл.

Сказал бы, да... тычок в ребра образумил.

– ...и о том, не далее как третьего дня, объявят во всех храмах. Будут звенеть колокола в вашу славу... рад ли ты, боярин?

– Безмерно, – только и сумел выдавить Арей.

...обратно шли тропой обыкновенной. Как обыкновенной... узкая, серая, вновь же, что не по земле ступаешь – по пыли, которая к сапогам липнет. И такая, паскудина, тягучая, что и ногу отрывать от этой дорожки – что из болота тянуть.

Вздыхает земля.

И небо давит.

Мошкой себя чувствуешь, не человеком.

...тропа вывела к стене Академии.

И красного камня сложенная, та показалась столь родной, что Арей едва не расплакался от счастья. Вот же... древняя магия, чтоб ее.

Он заставил себя выровнять дыхание.

И сердце успокоить.

Осадить пламя, которое рвануло, готовое взвиться стеной, выжигая следы чужого прикосновения.

– Ты...

– Хочешь, напьемся? – меланхолично предложил Кирей.

– Ты знал?

– Догадывался. – Он поморщился. – Не спеши биться головой о стену, племянничек... помолвка – это еще не свадьба, хотя...

Он замолчал и, вздохнув, повторил:

– Все ж давай напьемся. Я тут кабака один знаю... хорошее местечко...

– Ты ж говорил, что нельзя мне...

– Иногда можно. И нужно.

Арей только и смог, что кивнуть.

...дымно. Чадно. Низкий потолок из засаленных балок. Грязная солома на полу. Тесно. Людей, что сельдей в бочонке. И мнутя, трутся, задевают друг дружку локтями.

Разные.

Вот купец в уголке чарку за чаркой опрокидывает, занюхивая мутный самогон соленым огурчиком. А слезы, что на глазах высыпают, смахивает клочковатой седой бородой.

Что за горе с ним приключилось?

А парочка молодцев в темном углу затаились, только глазища зыркают. Рожи самые что ни на есть висельные. Прибрали бутылку мутного первача да пару яиц крутых на закуску.

– ...ты не подумай, ничего личного, дело даже не в тебе. – Кирей тут, что рыба в воде. И никого-то не смущает нездешний вид его, одежда богатая. Кошель кинул корчмарю, тот и рад стараться. Тот и старается. За стол вон почти чистый усадил, крепкий, дубовый. Такой от пола оторвать постараться надо бы. Да и вовсе в корчме этой мебель тяжеленная.

Не для мордобоя.

– ...ты просто так, к слову пришелся... к делу, точнее. Удобный кандидат. До того удобный, что просто как нарочно создан... пей.

Арей поднял стакан.

Грязное стекло. Оплавленное. И щербленое по краю. Пить из такой посуды – дурная примета, да и вовсе сама вся задумка эта... напьется и полыхнет.

Ни корчмы.

Ни Арея.

Один дядюшка, чтоб его демоны запределья побрали, жив-живехонек останется. Такого небось огнем не возьмешь.

– За тебя, племянничек! – Он сивуху опрокинул в глотку.

И не вздрогнул даже.

Рукавом занюхал и приказал:

– Пей.

Арей и выпил. Пошла... а что вода ключевая, правда, крепости такой, что перед царем-батюшкой, чья физия на творящееся в корчме взидала с брезгливостью немалою, не стыдно. Выпил и вздрогнул.

Ляснул стаканом по столу.

– Наливай.

– До седых коней пьем? – уточнил Кирей, наполняя стакан доверху.

– До них самых... значит, я ни при чем?

– Ни при чем.

– А ты?

– И я ни при чем...

– А кто при чем?

– Чтоб я знал. – Между первой и второй медлить дядюшка не стал. – Тошно мне, племянничек... и с каждым годом все муторней. А ты... не ты... она... хорошая девка. Приглядишь. Царских кровей. Эткими невестами не кидаются...

– У меня есть.

– У тебя есть. У меня есть... благодать... эй ты. – Кирей схватил за рукав мужичонку виду прехитрого. Лицом кругл. Бороденка редка, рыжа, а глаза так и посверкивают лисьей хитрецей.

Тепло побежало по жилам.

А ведь зря Арей никогда-то не напивался. Сперва не по годам сие было, потом – не по возможностям. Вторая пошла лучше первой.

– Вот скажи, – Кирей вытащил свой кошель из руки мужичонки, – у тебя невеста есть?

– Есть, господине, – заблеял тот, на колени плюхаючи. – И невеста есть, и жена, и детишек семеро... не сиротите...

– Пшел.

Кирей не стал размениваться на стражу. Пнул рыжего да кошель на стол бросил.

– Видишь, какой богатый. И невеста у него. И жена... и детишек семеро... а ты чем хуже? Была одна – станет две, больше – не меньше. На нее многие зарятся. Девка-то в те годы вошла, когда уж в храм свести можно. И значит, сведут. Свяжут словом перед Божиней и так, чтоб это слово по чужой охоте не развязано было. Дите сделают. И на трон впихнут, хоть ей трон не надобен...

– А я при чем?

– А при том, Арей, что ты, конечно, матушкиными стараниями в Думу ныне вхожий будешь, да чужой... пей, племянничек.

– За тебя, дядюшка.

– Тогда до дна...

– А беды не выйдет?

– Не выйдет. – Кирей сам наполнил стаканы и хлеба корочку протянул, высохшую, что кость старая. Арей и взял. Сунул в рот, пососал. Вкусно... после самогону-то. – Теперь уже не выйдет... да и я пригляжу.

– А сам-то...

– У меня опыт! – Он воздел палец к потолку. – Если жениха нет, то, считай, свободна... бери, у кого силенок хватит... многие позарятся. Жалко девку.

– Если жалко, сам бы и женился.

Кирей мотнул головой, и как-то пьяновато вышло.

– Мне нельзя. – Он ударил себя в грудь кулаком. – Я бы, может, и не против, а все одно мне нельзя... вот кто я? Азарин... но не просто так азарин, пришлый... нет... мой отец, да продлятся его годы молитвами подданных, на белой кошме сидит... а потому мне младшую сватают... Жучень думает, что так породнится... Лойко за старшую. Мне младшую. Все счастливы.

Арей подпер щеку кулаком.

Боярин.

Боярином он себя не чувствовал. А чувствовал разнесчастнейшим человеком, которому от милостей царских перепало...

– Так и вправду...

– Нельзя. Не понимаешь? Нет, не понимаешь. Тугой ты, племянничек. – Кирей руку протянул и по лбу постучал. Не больно, но обидно получилось. И звук-то вышел густой, гулкий, что от колокола медного. – Если Жученя на девке этой женить, он у нас в первые ряды выбьется, к самому, почитай, престолу... а что, кровушки благословенной в нем есть, в детях же и поболее будет... нет... и прочие все, кого ни помани, сплошь дерьмо... только о власти и думать станут. Воду мутить. Смуту крутить... то ли дело ты... даже если захочешь на трон влезть, кто ж тебе позволит? Поверь, можно было б двоих отдать, она б и двоих тебе всучила... а так – одна. Все полегче.

От легкости этакой голова шла кругом.

– А... Зослава?

– А что Зослава? Она-то, конечно, девка хорошая... эх. – Кирей прикрыл глаза и языком цокнул, отчего возникло почти непреодолимое желание дать дорогому родичу в рыло. Со всем родственным уважением. – Но подумай... ровня она тебе? Прежнему-то сошла бы, а новому? Цареву стольнику...

– Я не...

– Пока не... погоду седмицу-другую... пожалуют... и шубой, и плеткой... и вообще хлебнешь ты, племянничек, милостей полною ложкой. Твое здоровье!

Арей молча поднял стакан.

Не захлебнуться бы.

Глава 5

Сватовство и Зослава

Звонки-звоночки.

Бубенчики.

На дуге да на сбруе... поют голосами медными, да так, что за версту услышишь.

...едут, едут к дому сваты.

Да на косматом коньке. На дровнях, на которые стожок сена свежего да кинули, а поверху – покрывало узорчатое, самотканное.

Вожжи держит мужик справный, в одеже, наизнанку одетой, чтоб, значит, не случилось глазу дурному испортить важное дело. А за его спиною – сваха. Баба языкастая и глазастая, первая сплетница на селе. И почетное звание, и стыдное.

Оденет она рубаху нижнюю из небеленного сукна, а поверх – летник из тех, что поплоче. Волосы прикроет платком, пусть и не зовут во свахи вдовых да безмужних иль бездетных, нет, удачлива она должна быть, многочадна и богата домом... а все одно принято, чтоб поплоче.

Разве что не утерпит, разукрасит руки белыми кольцами.

И на шею ожерелье какое взденет, для красоты.

Бубенцы-бубенчики...

...колокола храмовые, медные.

К дровням навяжут пук березовых голых веток, чтоб след мели-заметали, сокрыли тот, который дурное семя к верному дому выведет. И веник этот сама сваха перебирать станет, проверять, не сунул ли кто, из зависти иль обиды, в березовые тонкие ветки желтую – омелы.

Сватанье легко спортить.

Встретится на пути лошаденки лисица рыжая.

Иль ворона спустится, чтоб глянуть на этакое диво, иль еще какая напасть приключится, и все, поворачивают дровенки взад. Много примет, и все-то мне неведомы...

...может, если б по правилам мы сделали, оно б иначе вышло.

...если б лошаденку и мужика справного... а в свахи тетку Алевтину кликнуть. Она-то не сплетница, но языкаста и глазаста, и домом богата, и многочадна. Как есть лучшее кандидатуры не сыскать. Она б и повелела дровенки везти по Лужьей дороге на Выселки, а оттудова, верно, повернула к речушке и по берегу, по тропе, что на весну зарастала... а с тропы – вновь на село наше.

И стучала б, гремела б половником по медному тазу.

Кыш, кыш, сила нечистая.

Все знают, что боится волшба медного голосу.

И рухнут наветы. Разлетятся проклены... и вороны, чего уж тут, ворону встретить – самая дурная из всех примет. Сказывали, что коль ворона с женихом сватается, то и подарок принесет. А какой? А что в вороньем гнезде? Разорение одно.

Пустота.

Беды да горести.

И будет новый дом беден, иль бездетен, иль муж повадится жену бить, иль жена загуляет... иль еще какая напасть приключится.

Бубенцы-бубенчики... и лошадка с лентами в гриве. Я ж ее с малых лет видела, такую, какая должна... лента белая, лента алая. И синим узором сбруя простегана. И чтоб ноги конские тоже обвязаны. Когда к Вязковой девке коневод один с Вышнего Тыну сватался, то так сделал. Красиво вышло.

И наши все обзавидовались.

...увез. Как она там? Мать говорит, что счастливая... но все так говорят. А на деле что? Не ведаю. Только хотела, малолетняя, чтоб и ко мне так... красиво...

...а получилось иначе.

...одно сватовство за углом Акадэмии. Другое – и не сватовство вовсе, так, стговор на пустом месте. Третье и вовсе... монетка вон со мною, и хочу оставить, а не выходит. Одного разу кинула в комнате, а потом руку в кошель сунула и обомлела – туточки она.

Заговоренная, стало быть.

...смешно до слез. Ехала я в Акадэмию за женихом, вот и сыскала ажно троих. И куда теперь от них деваться?

...двоих уже.

...добрая весть на ногах бежит, дурную – крылья несут. Вот и принесли, закружили на языках сплетнями. И донесли.

Могли б погодить чутка.

– Плакать будешь? – деловито осведомился Еська.

– Нет.

Но носом шмыгнула. Для порядку. Подумалось как-то так... что, может, и к лучшему оно... я ведь обещалась... и слово свое исполню... и если так, то Арей... может, и у него иного варианту не было?

Только все одно обидно.

Не сказал сам.

А ведь мог бы.

Мог?

– Ну смотри, а то у меня вот, платочек припасен. – Еська вытащил из рукава платочек, коим в студеную ночь и укрыться можно было б. – И вообще... стговор – это еще не свадьба...

Я кивнула.

Не свадьба.

И хорошо бы... я ведь тоже стговорена... а хоть бы один, чтоб по правилам сделал... тогда, глядишь, до свадьбы дошло бы...

– Ты голову-то выше держи. – Еська в рученьку вцепился, сам в бок подпихнул. – А то ж девки наши вон все глаза проглядели... не дай, чтоб зазря. Пойдем, прогуляемся... соловьев послушаем.

– Не время для соловьев.

А целительницы наши и вправду на меня пялилися, разом забывши про этикеты. Сбилися птичьей гомонливой стайей, перекликаются...

...прислушайся и услышишь.

– ...а чего она хотела? Возомнила себе...

– ...повезло...

– ...кому повезло? – Этот голос знакомый, как и девка, высока, белява и с синею лентой в косе. Ее я в Березовую ночь видела. – Да он мачеху извел. И брата не пожалел. А теперь и титул, и земли... казнить за такое надо, а не награждать...

И плечиком повела, мол, все именно так и было. Примолкла стая птичья, да вновь зашептала, уже обсуждая, мог Арей убить иль не мог.

Дурные.

И больно, и горько, а плакать не стану. Пойду соловьев слушать, все для души пользительней, нежели чужие разговоры...

...пред сватами ворота запирают. Трижды ударяют в них посохом дубовым, ошкуренным. И на первый раз надобно спросить, кого это дороженька привела.

Ответят, что люди случайные, подорожные, в поле заплутали...

Лжа.

...и не открывать ворота.

На другой раз скажут, будто бы купцы на ярмароку ехали, да вновь же, с пути-дороженьки сбились. И вновь лжю сие будет. А потому запертыми останутся ворота.

Когда ж третий раз спросит хозяин, скажут, что слышали, будто бы в доме том невеста подросла, и умница, и красавица, каких свет не видывал. Вот глянуть бы на нее хоть глазочком...

...от тогда-то ворота откроются. И войдет лошадка во двор, и не приведи Божиня, переступит ей дорогу кошка черная иль курица пестрая. В обычае-то и кошек, и курей запирают справные хозяйки, чтоб не вышло сватовству разбиться, но бывали случаи, когда соседские неким чудным манером на двор проникали, не иначею волею Божиной, которая знак давала, что не будет в браке ладу.

Еська идет, локоток отставивши.

Говорит чего-то... а я не слушаю, я все думаю... у нас-то куры всякие имеются, и черные, и рудые, и белые... а вот пестрая – одна только. Ее б отловить загодя... и кошку запереть.

Сватов бабка б встретила не хлебом и солью, но ложиною.

Куда девку глядеть?

Зачем?

Этак каждый поглядит – и дыра будет. Аль еще какая напасть приключится. Нет, зазря глядеть не даст. Тогда б и сваха выступила. Заговорила б, что есть у нее на примете молодец. Всем хорош. Хозяин крепкий. И норовом ласковый. И собою-то хороший... и чего только свахи не удумывают, женихов расписывая...

– Зося, ты меня слушаешь?

– Что? А... нет, – честно ответила я и платочек прибрала.

На всякий случай.

Вдруг да разревуся в самом-то деле? Не то чтоб сильно охота, напротив, спокойне как-то... будто подмерзла душа. Оно ж, как подморозит, то и не болит.

...когда сватаются, дверь в хату открытою оставляют, чтоб слышала все невестушка, от первого до последнего слова. И говорят громко. Оно ж, чем громче, тем лучше... иные и вовсе орут, зная, что соседям тоже любопытственно.

Их-то после покличут, когда сговоры состоятся. Посядут всем селом невесту пропивать. А пока – бабы к тыну, детишки, кто постарше, тож, слушают, сами перешептываются... а что – все свои-то, каждого что облупленного знают... и коль станет врать сваха вовсе безмерно – без малое-то лжи никакой торг не возможный, – засвистят, загукают. В позатым годе, когда сватали в Виленках девку за Паруся и сваха сказала, будто бы жених пригож собою, что царевич, люди шибко засвистели. Парусь-то и рябенький, и кривоватый чутка... какая красота?

Затое ласковый, что телячья матка.

– От так. – Еська вновь не позволил мне додумать. – Я тут распинаюсь, ее утешая, а она меня не слушает. Про что думаешь?

– Про сватовство.

Я огляделася.

Это ж куда мы зашли-то?

Сад? Не сад... дивный какой-то, будто посадили и забыли... в местном саду не так. Там деревья аккуратные, с гривами причесанными, кусты не растопыряют ветки колючие, грозя в подол вцепиться, да и травы растут, а не буют.

...да и закрыли его вновь от праздного шатания.

– Это старый сад... – Еська сощурился на солнышке, сделавшись похожим на лядащего кота. – Присядь вон... лавочка стоит.

И вправду лавочка.

Кривенькая такая, косенькая. Не лавочка – доска, на две чурбушки поставленная. Одну глубже вкопали, другую – выше...

...потемнела лавочка. А все одно крепкая.

И знаю – чья.

Вона, куст черемухи раскинулся, пышный, кучерявый. Отцвела уже, белая, да запах все одно остался.

– Раньше сад здесь был, а потом случилось что-то. То ли бурей деревья поломало, то ли место неудобное... пересадили, чего ценного, а остальное – так...

Еська уселся на траву, подсунувши под задницу широкий лист лопуха. Ноги вытянул, травинку сорвал и в зубы сунул.

– Не знаю, почему не закорчевали...

...а я знаю.

– Петров крест. – Я увидела бледную веточку, что выглядывала из-под земли. – Он редко где растет... и если уж растет, то невозможно трогать лес, сгинет.

...сильная трава.

...коварная.

...под землю прячется, к чужим корням льнет. Опутает их белесою сетью корешков, присосется и, сил набравшись, выглянет, выползет, покажет свету белесый мясистый стебель. Раскроет прозрачные венчики цветов.

...на нем зелья отворотные варят, коль занято сердце, чтоб оплел петров крест эту любовь, присосался и высосал досуха. Правда, с такого отворота, бабка сказывала, люди вовсе бездушными становились.

...но умелая целительница и такую отраву во благо пользует. Если случится с опухолью дело иметь иль с гнилью нутряною, то хватит капли махонькой, которая на кончике иглы умещается, чтоб в лекарство добавить. Словом верным скрепить. И вновь же – высушит петров крест болезнь.

Вытянет гной.

...а бывает, что от горечей душевных, когда рвется она на части... бабка сама им пользовалась Ульяку с боярское усадьбы, у которой сынок малолетний от горячки помер. Улья-то в нем души не чаяла, одинный свет в окошке, едва умом не тронулась. Уж муженек ейный в ноги бабке падал, молил, чтоб помогла чем. А чем тут поможешь?

Петровым крестом.

...помог Ульяке. Перестала плакать. Тихая ходила, задуменная, сонная будто бы...

– Не тронь, – я по Еськиной руке шлепнула. – Еще не срок. Его на полную луну собирают, по первой росе...

...а может, и мне? Я слово-то знаю.

Каплю в квасок.

И забуду Арея... а он меня, если уже... без всякого слова отворотного... милостью парицы...

– Все ж таки плакать будешь. – Еська мне в руки платок сунул. – Оно, конечно, хорошее дело, иногда и поплакать стоит, но ты погоди чутка, ладне?

– Зачем годить?

Я на лавочку присела.

А черемуха разбуялася, встала зеленою стеной. Небось, когда цветет, туточки и дышать-то тяжело, вона, черемуховый аромат ажно в доски вьелся. Иль мне уже мерещится?

...сваха б торговалась зло, крепко, только и бабка ей бы спуску не дала. Потребвала б грошей за погляд, а еще шелков и бархату. Шелка-то нашии давали охотно, не азарские, вестимо, но какие есть, потому как после всем селом будут жениховы дары разглядывать. И не приведи Божиня победнится он, нарекут девку суконною невестой...

...еще жемчуга дарили.

...и головы сахарные, чтоб, значится, жизнь у девки сладкою была. Леденцы и пряники... а если богатый зело жених, то, богатством своим красуясь, пряники брал печатные да золотые, которые сваха за забор кидала, девкам на потеху.

Пусть едят.

Пусть тягают одна другую за косы. Глядишь, и хозяйка дому призадумается: за этакого да на пряники любая пойти восхочет.

...я чужие пряники дважды едала. И оба раза завидовала счастливице – страсть... теперь и самой смешно. И мнится, может, с тое зависти все и вышла?

Хотела жениха – получай.

– Хорошо тут... – Еська пальцем траву ковыряет, которая, одичалая, росла плотно да густо.

...а как сторговались бы за погляды, тут-то уж бабкин черед настал бы. Она б сватов в дом зазывала и причитала, что ноне бедно-то все. Пироги не ставлены, хлеба недопечены, всего-то и есть, что краюшка малая, коту на понюшку...

Она-то у меня до причитаний мастерица.

Иные и записвали.

Сваты б кивали да отнекивались, мол, не есть-пить пришли, а токмо на девку глянуть... дальше обыкновенно. Она б хвалить меня принялася, сказывать, до чего рукаста, что встаю до солнца, а ложуся затемно, что руки у меня пустыми и не бывают...

...и с иглою управляюся.

...и с кроснами.

...и прятать, и шить, и шерсть валять. В хате б чисто было. Оно-то самая распоследняя неряха к приезду сватов расстареется. И главное, что помощи ей не будет.

Своими рученьками в этот день делается.

Я б и пол выскоблила б добела... и половички выстирала-высушила б, да не обычные, особые достала б с сундуков бабкиных, васильками шитые. И занавеси повесила б нарядные.

А уж на стол...

...сколько раз представляла я себе, как стану этот стол белой скатертью накрывать да приговаривать, чтоб легла гладка да ровна, как жизнь моя дальнейшая.

На центру стола – бутылъ самогону наилучшего, прозрачного, что слеза.

Это чтоб иных горестей не знала.

Пироги с капустою и с курятиною. Расстегаи. Грибы соленые и моченые. Капусточка наша. Рыба копченая... щука печеная... и куры-то, а может, если б дядька Панас расстарался, то и дичины б раздобыла. Эх, хороши перепела да с кислою клюквой.

И блинцов, конечно.

Яишенку.

Нашла б чем удивить... не консомы, значит, но все свое, домашнее. И сама б к двери приникла, слухая, чего говорят. За столом-то сидят долго, по обычаю, – должна сваха каждое блюдо отведать, не пересолено ль, не переперчено ль, не пригорело аль не упрело. И разговора течет неторопливая...

– Зось, а Зось. – Еська плюхнулся на лавку и меня приобнял.

От же ж... никакой на него управы нету.

Иль ему тоже в женихи захотелася? Если так, то пушай к бабке сватов засылает, должно ж и у меня быть все, как у людей.

Сердце замерло.

А ну как в столицах порядки иные? Тут, может, девка не толчется ночь у печи, блины выпекая. А жених не перебирает шкурки беличьи, невестушке на шубу, но духов злых зачаровывает, заместо справной бабы. Хотя... нет, дух – это вышло так... а чтоб обычаем... нет, от

духа в обычаях никакого толку. Он же ж небось, пока мертвый был, совсем от людское еды отвык.

Чего б сказал?

Сглумил бы сугубо из вредности.

Але ж, чуется, не пироги от меня жениху надобны. Сунула я руку в кошель. Лежит проклятая монетка, никуда-то не девалась.

– Ну Зось...

– Чего тебе?

– А ты на Арейку шибко злая? – спросил и глядит так, глаза пуча для пущее жалостливости. И голосочек стал тоненьким, дрожащим.

– Чего?!

– Бить будешь?

– Н-не знаю...

– Если будешь, то учти, я заступаться не стану. Так что, будь добра, бей уж так, чтоб не крепко скалечить. Матушке он нужен...

...до самих смотрин черед доходит, когда уже за оконцем темно делается. Бабка б, хмельновата, весела и рухавита, сама предложила б свахе глянуть на невесту.

А я... я б сидела в комнате.

На табурете.

В убранстве праздничном, в рубаше из алого шелка с шитьем по подолу и рукавам. Оне, широченные, прихватила б золотыми запястьями, пусть бы видели гости дорогие, что не бедна невеста.

...летник аксамитовый.

Сапожки из кожи красной, на каблучках посеребрённых.

На голове – платок с шитьем.

Платок тонюсенький, легонький, прозрачный... раньше-то невесту холстиною прикрывали, да после переменялось все. Под холстиною, поди, не видать, кто сидит, вот и находились такие, которые одну сестрицу, справную, другою подменяли. Оно ж как, положит сваха колечко заветное.

Примет невеста.

И все, сговор заключен, чтоб его разорвать, веский повод надобен.

– Не буду я никого бить, – вздохнула и отпустила мечту свою. Пускай летит... не я первая, не я последняя с мечтаниями расстаюся. Как-нибудь и проживу.

Вона, может, мой женишок новоявленный, духом сговоренный, и вправду царевичем окажется. На кони белом, на...

...не надобен мне царевич, чего уж себе илгать?

– От и ладно, а то ж рука-то у тебя крепкая... выходи, горе-жених.

Зашубуршало в кустах черемухи. Затрещало, затрясло листвою. И, матюкаяся вполголоса, из зарослев выполз Арей.

Вид у него был разнесчастный.

Я носом потянула.

Понятне... с опохмелу, стало быть... знаю, у дядьки Панаса такой же вид случился, когда он в соседние Пацуки поехал, дружка старого навестить, и так разнавещался, что тетке Алевтине его на дровнях привезли, пьяненького и счастливенького.

На четвертый день.

Ага...

Уж она-то только глянула, бровкою повела и велела во двор грузить. Там, с кобелем, дядька и ночевал, авторитету старостину утрачивая. А поутру стогнал так, что полсела сбежалось глянуть, кто ж там канает...

...а тетка, знай себе, прохаживалась по двору, то воду колодезную студеную несет, то жбан с квасом, то кувшин с рассолом огуречным...

...рассол бы Арею не помешал.

Мятый.

Уже не пьяный, но хмель последний из него не вышел. Стоит, качается, в черемуховую ветку вцепившись. Не хмель, конечно, Арей. Другую ветку в рученьке левой держит. И выломал такую, что впору от медведя отмахаться.

– З-зослава...

– Погодь. – Еська меня за локоток придержал. – Ты ж говорила, что бить не станешь! И не злился, Зосенька, это ему Кирейка стресс снимал.

– Чего?

– Разволновался он после разговору с матушкой. Распереживался. А с того распереживания мог бы и сотворить чего не того... ляпнуть там... или вовсе... он же ж упертый. Вот взял бы и полез к тебе жениться.

Арей веткой махнул и едва на ногах удержался.

– В храме, имею в виду... в храме, со жрецом, – Еська держал меня крепко, захочешь – не вывернешься. – А теперь представь. Матушка ему невесту жалует царских кровей, а он от этакой милости сбегает. Неудобственно получилось бы.

И куда тише добавил:

– С такого неудобства и голову утратить недолго. Самым что ни на есть буквальным способом. Вот наш Кирей и постарался... правда, перебрали слегка... денька этак на два перебрали... но что сделаешь, широкая душа...

– З-зослава, – повторил Арей, протягивая мне зеленую ветку черемухи.

Чуть помятые листочки.

Погнутые веточки.

Цветы пожухлые, еще не отлетевшие.

– Эт-то т-тебе...

– От спасибо. – Ветку я взяла и, перехвативши, по плечах перетянула. – Что ж ты творишь, нелюдь азарский!

Била я не сильно.

Не от души и не от обиды, которая мигом разошлась, будто ее и не бывало. На пьяных да на малых не обижаются... и еще на разумом скорбных... и отчего-то мне так радостно делалось. Не от виду Ареевого, но от слов Еськиных.

Стало быть, Кирей... и вновь же, иродище, ни словечком...

...хотя когда?

Дай, Божиня, памяти. Я его давече не видывала... а дня три и не видывала. Еще удивлялася, куда ж делся он и отчего сие не вызывает у Архипа Полуэктовича беспокойствия.

...значится, пили.

– Я ж... я... – Он покачнулся и дыхнул перегаром. – И-извини... я... к... к тебе... шел... и в-вот...

– Пришел, – помог Еська, рукав выпуская. – Зось, ты уж приглянь за ним, добре? Кирей в отключке, а этот... он же... того...

– И этого. – Я махнула рукой. – Иди... Еська... и другим разом лучше сами упреждайте, чем слышать от кого...

– Я бы сказал. – Еськино лицо вдруг стало таким... как у старика. – Если бы мог говорить, когда желаю... я бы сказал, Зослава. Клянусь своей силой.

– Верю.

– Спасибо.

Он отступил.

– Скоро уже... летом все решится и... до лета ведь доживем?

– Доживем...

Куда ж мы денемся.

– Скажи хозяину, – попросила я, – что мне б кваску холодненького белого... и Кирею пусть поставит. Небось тоже голова гудеть будет.

Квас от похмелья – первое дело. А еще тетка Алевтина была мастерицею варить густой суп на говяжьих мослах, с травами, с перцем острым...

– Зослава. – Арей сел на траву и глаза потер. – Я пьяный...

– Пьяный.

– Я к тебе идти... х-хотел идти... в... вхрм... – Он мотнул головой и болезненно поморщился. – А он и грит... в-выпить надо... п-пропить нвесту...

...невесту сговоренную и вправду по обычаю пропивали всем селом. Батька невестин для того самогон загодя гнал, когда баклагу, когда две...

– И я... чуть-чуть... – Он пальцы свел. – К-каплюшечку... смую...

– Дурень. – Я села рядом и пригладила встрепанные его волосы.

От что нам ныне делать-то?

Смех.

И слезы.

Сбегчи, как в сказке, на край мира? Но, мыслится, меня и на краю, и за краем отыщут. Да и Арею царица не простит.

– А у меня вот, – он поскреб лоб, – с-свербит... р-растут... Кирей грит, это сила в-вру-лась... тперь с ргами буду.

И вправду на лбу евонном будто бы две шишечки пролупились, пока махонькие, бледненькие. От же ж... оно, конечно, от рогов этих польза невеликая, да и вреда немашечки. Пускай себе...

– Будешь, как есть будешь. Приляг.

– А ты?

– А я посижу.

– Не... – Арей покачал головою. – Не хочу лежать. Я с тобою хочу.

– Я рядышком посижу...

Он все ж таки лег, растянулся на зеленой траве. Положил голову на колени мои, глаза закрыл. И успокоился, как-то от... поняла я, что успокоился.

И мне хорошо стало.

Не знаю, как оно там еще будет. Царева невеста дареная никуда не денется, как и мой жених заклятый, а все одно, они существовали, но где-то вовне, там, за чертою старого сада, в котором отцвела черемуха, но запах ее остался.

Арей дремал.

Я сидела, веткою зеленой комарье разгоняя. От же, магии магиями, а против кровопийцев этаких заклятия не придумали. Ничего... может, я сподоблюся. И тогда войду, как говаривала Люциана Береславовна, в анналы магической науки.

Мысль сия была приятною.

Глава 6

О головах болезных и снах вещей

Арей открыл глаза, когда уже темнеть начало. Весенние деньки легки и обманчиво теплы, а все ж под вечер холодком тянет, да и трава от рос сыреет.

Вечерняя роса – она особая.

И сил прибавляет, и здоровья. Омой глаза – и уйдут слепые пятна. Рану оботри – и гной из нее выйдет, выплеснется. Кожную какую болячку тоже излечит...

Младенчиков вечерняя роса от больного живота спасет.

Матерям возвернет покой. А если с хлебною корочкою ее съести да зажевать листом мятным, то и молока прибудет – верное средство, бабка им не раз пользовалась. Девки в росах волосы полощут.

И лицо умывают.

Старики – примочки делают для ног больных...

...да и здоровым она не во вред, если, конечно, не развалиться на тех росах, как Арей. Я уж и будить подумывала, хоть и сладко он спал, спокойно, да как бы не застудил спину.

А он сам глаза открыл.

Уставился в небо сизое.

– Ты не ушла?

Небо весною, что девка перед ярмарокою, один за другим наряды меняет. То синевой убирается, то ружовым, то лиловым, как от ныне... и гляди на него – всяк день иное.

– А надобно было?

Глаза ясные.

И пусть пахнет от Арея брагою, да ныне тверез.

– Не надобно... давно так?

– Давно.

Уже и ноги затекли, уж не ведаю, смогу ли встать. Да только ноги – малая плата. И не жалею... сидела пока, думала все, как оно мы жить бы могли, если б...

– Простишь?

Он не вставал.

Глядел снизу вверх. Разглядывал. И боязно стало. Чего увидит? После царицы-то... а невеста его небось собою хороша. Не бывает, чтоб некрасивая боярыня. А может, она навроде Велимиры нашее? Лицом бела, волосом темна... или светла... главное, что кожа у нее гладенькая и мягонькая, будто шелковая. Что нет на руках у нее мозолей, что махонькие оне, будто бы дитячие.

И сама-то она, птичка дивная, с ирия слетевшая...

...шелками шьет.

Беседы ведет умные... иль не ведет, но и молчит так, что в словах нужды нет. Прежде-то что? Прежде Арею на боярынь заглядываться смыслу не было, а ныне... милостью царской...

– Ты видел ее? – спросила, и сердце сжалось болезненно.

– Не видел. И видеть не желаю.

– А ну как красива?

– Глупость. – Он все же сел, за голову руками держась. – Что эта сволочь мне подмешала?

– Самогону, – с самым серьезным видом отвечала я. – В самогон же.

Арей кривовато усмехнулся.

– Какое коварство... Славушка, мне... мне и вправду стыдно. Я, когда ко мне с этой грамотой пришли... отказался ведь. Мне не нужно было это наследство, веришь?

– Верю.

– Я не хотел ввязываться в грызню эту... в... какой из меня боярин? Раньше, может быть... раньше спал и видел, чтоб он меня признал. А как признал... они ж знали про завешание. С самого начала знали. Отец не так глуп был, чтобы в доме оставить эту треклятую грамоту. И кому он ее вручил? Не важно, главное, что этот кто-то решил, что ему выгоднее не исполнять последнюю волю, а боярыню приструнить...

Арей поскреб лоб и поморщился.

– Чешется... скребусь, что шелудивый... я все гадал, почему она просто от меня не избавилась. Молвы людской побоялась... как же... не позволили... не забрали, оставили будто бы во власти, а убить... нет, убей она меня, мигом бы следствие учинили... а ушла, и вот, пригрозился. Наследничек.

Я только вздохнула.

Каждому боги по силам его посылают. Так бабка сказывала, да только откуда силы-то взять?

...и как придушить тихий голос, что нашептывает, будто все к лучшему? Что не пара я Арею. И не была парой, что пусть и носил он простые одежи, что звался рабыничем, а растили его будто боярина.

Я же...

Я просто Зослава из Больших Барсуков.

...и сколько книг ни прочту, собою ж остануся.

...другое дело, боярыня. Царская племянница, ежели подумать, благословением Божини отмеченная. Глянет Арей на нее и разом позабудет про все обещания.

– Может, если б меня не было, придумали бы... и сговор – это еще не свадьба, Зослава. Отказаться... царицам не отказывают. Только это слабая отговорка. Я должен был... должен...

Он дернул себя за темную прядь.

– Собирался взять тебя и в храм... идиотский план. Думал, что если быстро обвенчают, то... а Кирей... я понять не могу, почему с ним пошел? Я ведь не пью. Вообще не пью... не умею... ничего, очнется дядюшка, я уж спрошу, как оно все вышло... скажи что-нибудь.

– Что?

– Скажи, что я дурень.

– Дурень. – Я смахнула со щеки слезу. А от не буду плакать. Не буду, и все тут. С чего? Все живые, здоровые, при милостях, чтоб их...

– И что недостоин тебя.

– Точно дурень.

– Я ж и говорю. – Он усмехнулся. – Мне другая не нужна. Я... Зослава, пожалуйста, поверь.

– Верю.

Он тряхнул головой и, вытащив из-за голенища маленький ножичек, полоснул себя по ладони. Алая руда полилась на траву.

– Я, Арей, клянусь силою своею, что не будет у меня другой жены, кроме Зославы, внучки берендеевой...

...надобно было остановить.

Я б успела.

Я б сумела.

Удержала.

Но не стала.

Он ведает, что творит. А я? Я ведаю?

– Так оно надежней. – Арей стряхнул капли крови и руку порезанную протянул. – Залечишь?

Разве ж можно было отказать ему?

Тою ночью спалося мне беспокойственно. Полночи ерзала, не способная улечься, то на один бок лягу – муляко. То на другой перевернуся, а все одно никак. Будто не перина под мною пуховая, но матрац тонюсенький, соломою набитый.

И колется.

И зудит с того шкура.

И не солома то, а совесть моя, которая взяла и к ночи, будь неладна, очнулася. А ну как не получится у меня с моим последним женихом поладить? И пойду за него замуж? Что будет? Я-то, может, притерплюся, небось не первая и не последняя, кого против воли отдавали. А Арей? Он клятву принес и лазеек в ней не оставил. И будет ему выбор, или одинцом оставаться, ожидаячи, когда ж супруг мой, чтоб его до сроку Морана прибрала, преставится, или клятву рушить и силы лишаться.

Нельзя было так.

Не из обиды, не из жадности, не из жалости к себе, несчастной... нельзя. Да только слово вылетевшее не поймашь, в клетку не запрешь. И кровь пролитая в жилы не вернется. Так что лежи, Зослава.

Спи.

И глаза все ж закрылися. Упала я будто бы в болото, но не то, не снежное, знакомое до тошноты. Нынешнее со снегов свободно.

Зелено.

Пухло.

Поросло мелкою травкой, которая в народе пустозвонкой зовется, а по-научному если – шейхцерия. Бесплезная она и вредная даже. Ее топленики и болотники по трясинам и топям расстилают, чтоб зеленели они да солнцу глаза не мозолили, а то выжжет еще.

А я вот стою.

И чую, что под ногами – глыбь глыбокая. Варухнуса и ухну в нее, следов не сыщут.

На помощь звать?

Так кто отзовется.

– А ты попробуй, девонька, – раздался знакомый такой старушечий голосок. – С тебя ж не убудет.

Оглянулася...

...стоит давешняя старуха, сгорблена и космата, волосья седые из-под платка черного выбиваются, свисают до самой травы, которая под ногами старушечьими, в лапти худые обу-тыми, гнется, что кланяется.

– Доброго вам дня, бабушка, – сказываю, а у самой-то зуб на зуб не попадает.

Страшно.

Потому как сон сну рознь. Иные-то не выпускают, и тогда отходит человек в этом самом сне, а прочие лишь кивают печальственно, мол, сердце не выдюжило.

Иль еще эта, мозговая жилка оборвалась.

Сиречь, инсульт.

– И тебе доброго, деточка. – Старуха ослабилася широко-широко, а зубы у ней белые, ровные, что у молодой. – Давно уж не виделись. Чего нового в мире деется?

– Да вот... царь скоро того... – Слово то я не посмела вслух сказать, даже во сне, а то ж про царских соглядатаев всякое сказывали. Нет, конечно, не верю я, что во сны они способные ходить, но все ж... лучше уж лишний раз промолчать.

Старуха головою покачала укоризненно.

И крестом Божиным солнечным себя осенила.

– Горе-то какое... вновь осиротеет земляца. А что наследничек? Есть?

– Сказывают, есть... только никто его не видывал.

– Что ж так?

Я руками развела. И сказала одно, что могла:

– Тайна это... извести хотят, вот и прячет царица-матушка...

– Хорошо прячет?

– Вестимо, хорошо.

– Это верно. – Старуха подала мне руку. – Только... когда крепко прячешь, главное, чтоб сам потом отыскать сумел. Пойдем, деточка, чаю попьем...

– Спасибо. – Я руки коснулась.

Холодная, что камень старый. Но дорожка под ногами моими твердою сделалась. А под нею все одно топь, чую я ее...

– ...только чаю я...

– Опасаешься? – усмехнулась старуха.

– Ваша правда. Уж не поймите превратно, однако же... мне б вернуться...

– Возвернешься, Зослава, возвернешься... проклятием нашим клянусь... идем, времени у нас немного. Пока луна спит, могу я путями иными ходить, да только стара стала, ослабла, и каждый шаг – силы тянет. Этак и вовсе обессилеть можно.

Идет.

Ведет.

И вот уж позади остались пустозвонные топи, в которых редко, да проклевывались синие озерца. На берегах их уж сабельник зацвел, а где он, там и кровохлебка будет, травка махонькая, невзрачная, зато способная избавить человека от кровавой да родильной горячки.

Я оглянулась.

– После, деточка. – Старуха пальцы мои сжала. – Еще успеешь набрать травок. Тут много чего растет... вот курослеп малый... и великий. Еще лапчатка есть, ну да она невелика редкость. Чабрец. Клюква. Цвет багульников. Белолистник... болота богаты, главное, уметь сие богатство собрать. Ты сумеешь.

Вновь не успела я увидеть, как клятый остров возник. Откудова.

Вот не было его.

А вот нате, стоит, выкатился из туману. И вновь заборы.

Люди.

Сохнут сети... мужичок лодчонку чинит... как в прошлый раз.

– Он ее какую сотню лет чинит, – сказала старуха. – А она на следующую ночь вновь худою делается. Или вот Марфа наша устала блины печь. Чего только не делала... поросю забила, целую в печь сунула, а утром – поросю в загоне копошится, а тесто, на блины завешенное, булькает. У Никнаты старшенький животом все мается... пацаненку двенадцатая зима пошла. Наелся сдуру зеленых яблок. И к вечеру чуть попускает, а с утра – все наново...

Она вела меня по узкое улочке, а люди будто бы и не замечали.

– Не видят. Они в ином мире, а мы... мы тут ныне гостями. Вот чутка погостюешь, и отпущу тебя.

Куда?

Уж не на то ли болото?

– Не меня тебе бояться надобно, девонька, – молвила старуха, и встала перед нами хата древняя-предревняя, в земле копанная, а сверху крышею из дранки крытая. Окна-дыры рыбьими пузырями затянуты. Дверь шкурой прикрыта.

– Проходи, гостею будешь...

Старуха шкуру откинула и, глянув на меня – а глаза-то, что у рыбы, круглые да белые, – молвила:

– Пресвятою меня звали, правда, давно сие было... так давно, что позабыть бы, но не позволено нам забывать.

В хате потолок низенький, мне и не разогнуться, сетью затянутый. А с сети тое свисают, что трав пучки сушеных, что низки чешуи рыбьей, что хребты белые, обглоданные. Печка-мазанка в полкомнаты раскинулася, раскрыла черный зев, паутиною заросший. За нею горшок треснутый виднеется. Прислонилося к углу кочерга кривая.

– Сядь, не побрезгуй. – Старуха смахнула со стола крошки.

Кривобокий.

И ни скатерки, ни рогожки даже. Голое дерево глядится сырым, и прикасаться к нему боязно. Но сон же ж... я помню, что сплю.

Оттого и сажусь на чурочку, что стоит в хате вместо лавки.

– Кваску не предлагаю. – Пересвята налила себе из кривобокого кувшина. – Племянник мой лепил... еще когда мастеровать учился, пусть примет Божиня душу его... про нас всякое сказывали. Знаю... и за годы-то языки наплели, напридумвали. Хочешь знать, как оно на самом деле было?

Не хочу, у меня уж от знаниев лишних голова того и гляди треснет, что твой кувшин. Да разве ж выйдет отказать от этакого чести? Коль уж тут очутилася, то буду слушать.

А квас полился темный, духмяный.

Правда, если прислушаться, то с рыбьим душком. Но что уж тут сделаешь? Вся их деревушка рыбою пропахла.

– Началося все в стародавние времена, когда еще царствия Росского вовсе не было, а были лишь княжества удельные. И на каждом князь сидел. Важный, что петух в курятнике. Бывало, княжества всего – полторы деревни, и князь всех мужиков по харям их ведает, да что мужиков, каждая свинья ему знакомая, да только все одно носу дерет. Взденет шапку драгоценную, шабелку повесит, и все... князь он... а у самого портки драные. И не суть важно. Ходили князья друг ко другу, кто в гости, но больше – воевать. У соседа, если послабше стал, милое дело землицы отгрызть. А коль не выйдет, так хоть пограбить. Люду простому, сама разумеешь, тяжело приходилось. Что не лето, то хаты пожгут, мужиков посекут, девок, тех... на веселье... в зимку-то им чего, у них амбары полные, а люд мается, кто дубовую кору с мукой мешает, кто вовсе отходит тихо... и азары, конечно, те зело полюбили на земли этие ходить. А чего ж не сходить? Князья-то друг с другом собачиться гораздые, а пред азарами шеи гнут, откупаются... кем? А тем же людом простым...

Квас она прихлебывала шумно, я ж сидела.

Глядела.

На паутину, на вязки трав, которые тронь и рассыплются прахом. И боязно мне было, что навек я в этое хате остануся, в этом сне.

– Нашу-то деревеньку тоже палили... раз и другой... князья... потом азары прошли, но от них люди в болотах схоронилися. Оне-то огненного духу дети, воды страсть до чего не любят, и в болото по воле своей в жизни не полезли б... тогда-то и втемяшилося нашему старосте тогдашнему вовсе на болота переселиться. Мы-то болот не боялися, жили тут, если не от начала времен, то как предки наши поселилися, то и жили... бабы вон за ягодою хаживали, мужики зверя били. Детвора и та знала, как тропу увидеть. А с народцем местным наш ведун договаривался. То куру им поднесет, то бус для кикимор. Оне ж хоть страшные, а все девки... то еще чего... хороший был мужик. На меня заглядывался.

Я представила того ведуна, который на этакую старуху заглядывался. И жалко мне его стало. Неужто во всем селе бабы иной не сыскалось?

Ведаю, любовь, она злая, но чтоб до такого!

Страх.

А Пересвята, будто подглядевши мое мысли, захихикала, рот рукою прикрыла морщинистой. А у самой пальцы, что из дерева струганные, да наспех, кривые и черные.

Ногти отросли.

Землица под ними забила, впору репу сеять – прорастет.

– Ох, девонька, повеселила... мне-то тогда четырнадцатый годок шел только. Невестой была... завидною невестой. У батки-то моего и конь, и две коровы, и коз было. Куры, гусаки... в хате мы все на перинах леживали... многие были б радые меня в дом взять. Небось и староста для своего сыночка подумывал, чтоб второю женою... не гляди так. Прежде-то уклад иной был. Говорю ж, как ни война, мужиков посекут. И что бабам? Одинокими до века жить? И каждой по-особицы помирать? Уж лучше в чужой дом второю аль третьею женой пойти, а там, коль случится беда, то и деток разом вырастят, и хозяйство не запустят... многие так делали.

Странно сие.

Нам-то жрец сказывал, что Божиною заповедано, чтоб каждому мужчине по жене одной, а каждой жене по мужу. И что было сие всегда так, только у азар-безбожников можно жен брать, сколько душеньке восхочется. Мне все интересно было, как оне там, жены этие, уживаются промеж собой.

Бывало, что и сестры не ладют, а тут жены...

...и мужа делить опять же ж.

Но с другой стороны, может, оно и удобно? Одна пол метет, другая огорода полет, третья с дитями, четвертая кашеварит...

– ...но я такого не желала. Ладно бы первую и старшею... нет... а ведун вот захаживал. Сперва-то я его побаивалась. А что, огромен, космат... нелюдим. Его и кликали так, Нелюд. Он не обижался. Уж потом я уразумела, что добрый он. Придет, бывало, сядет на лавку, на меня поглядывает... сумку свою раскроет и давай выкладывать, что шкатулочку махонькую из двух раковин сделанную. А раковины те – в перламутрах, так и переливаются. Что орешков лесных горсточку... что ткани отрез тонкое и легкое... теперь-то ведаю – русалий шелк, редкость, каковой и у царицы вашее нету... сказки баил... про то, кто где живет. Мы с сестрами посядьма и слушаем, рты пооткрывавши... и когда батка мой сказал, что Нелюд сватается, что за меня не просто выкуп, а жемчугами дает, я не стала противиться. Конечно, мало ведала, что там меж мужем и женою бывает. Мнилось, стану я хату его убирать, пироги печь да кашеварить, а он будет мне одной свои гиштории сказывать.

Пересвята вздохнула тягостно.

– Тут он жил... не гляди, что убогонько... в прежние-то времена все так жили, только у одних в хате пятеро-шестеро, да еще скотина, чтоб волки не задрали да нечистый не свел. А мы вдвоем жили.

От этого я не могла себе представить.

Пятеро? Тут и троим-то не развернуться. Куда пятах да еще со скотиной? Мы-то на зимку куранят, коль случались, в хату брали. Или еще теля, но то не мы, Курманчиха прибрала, чтоб в хлеву не померзло... Но наши хаты поболее, чем эта...

– А что толку было хаты ставить, когда придут да пожгут? В землянке-то проще. Крышу раскидают, попалят, так ее новую поставить недолго... хату ж поди отстрой. Нет, Зославушка, иные были времена... так вот, когда Нелюд ко мне посватался, аккурат тогда староста к нему захаживать стал. И все-то плакался, что жизни никакой нет. Нелюд хоть и силен, да куда ему супротив азар. Придут. Все порушат... и ладно, если просто пожгут, так ведь над девками поглумятся, а то и в полон угонят, продадут у себя в степях... Нелюд... Надежей его звали. – Она смахнула корявым пальцем слезинку. – Не будь меня, не стал бы он слушать. А тут... верно, подумал, что и вправду... оно, может, и ничего не случилось б, а может... у всякого своя судьба, и негоже человеку ее ломать. Он на болота ушел... ушел, что сгинул... и день его не было, и другой... и третий. Я уж извелась вся... а он на семей явился, лицом белый, дышит

едва-едва... пришел и рухнул. Книжицу мне протянул. Велел сховать да никому и никогда не показывать... я и сховала. Староста, как слышал, что вернулся мой Надежа, так мигом прилетел, все начал допытываться, когда ж тот с болотниками договору весть будет, до того ему втемяшилося на болота... и ладно б просто, ан нет, всею веской желал. Чтоб и с курами, и со скотиною, и с прочим добром... князем болотным вздумал стать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.